

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЮЮ
БРАНЬ

18+

В. Перцов

«И вот вам
результат...»

Владимир Перцов

«И вот вам результат...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39746604

SelfPub; 2020

Аннотация

Есть сегодня большая литературная ниша, куда безнадежно заглядывают многие. Заглядывают умные, отчаявшиеся в хорошей литературе или просто ищущие – а что, сами не знают. Вот книга. Ее автор Владимир Перцов – философ, а в прежней жизни известный эстрадный драматург и режиссер (легендарный некогда театр «Христофор», «Кролики – это не только ц.м.» и пр.). Но в первую голову – писатель. Писатель-юморист. Но юмор – это «побочный продукт». Главное, отчаявшийся в литературе обрадуется, умный «тощ не отыде», ищущий незнамо что скажет: вот, что я искал! Содержит нецензурную брань.

Содержание

«С грибами к бессмертию!»	5
Вместо предисловия	5
Об авторе	8
Воспоминание о французском ресторане (фрагмент биографии)	8
Как я встречался с поэтом Игорем Иртеньевым. Два раза	9
Раз второй	13
Из сборника «Последний закон Ньютона»	16
Последний закон Ньютона	16
Как начинался капитализм	26
Пост № 1	41
Глава 1	42
Глава 2	45
Глава 3	49
Глава 4	51
Глава 5	55
Глава 6	61
Глава 7, предпоследняя	66
И вот вам результат	70
1	71
2	73
3	76

4	78
5	79
6	82
7	84
8	85
9	87
10	89
Эпилог	90
Скульптор Николай и его детище	92
«Аквахрен»	109
Женщина и «Жигули»	122
Из сборника «Кролики – это не только ценный мех»	139
«Кролики – это не только ценный мех»	141
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Владимир Перцов

«И вот вам результат...»

«С грибами к бессмертию!»

Вместо предисловия

Сегодня интернет ежедневно и ежеминутно сообщает нам о жутких находках и сенсационных открытиях. Все эти сообщения начинаются примерно одинаково:

«Учёные кричали от ужаса, когда обнаружили это... двое на месте обос... ободрились!»

Тут и там мелькают переполоханная Ванга, нелюдимый Нострадамус; Эдгар Кейси выдаёт онлайн-предсказания, будучи глубоким покойником.

– Девочка из глухого аула ясно видит, что внутри нашей планеты находится ещё одна, только большего диаметра, отчего нашу голубую планету непрерывно пучит.

– Сенсация: японские рыбаки засняли, как нечто, охлаждающее кровь, всплыло из бездны и громко сдохло! Учёные глянули и снова обо... не обрадовались!

– Бабушкин способ восстановления девственности. Полу-

чается как новая, ещё крепче! Придётся вам, ребята, попотеть-2!

Спасибо, Бабушка!

– Ещё сенсация: наша Земля всё-таки ПЛОСКАЯ! Учёные подползли к краю, глянули вниз и снова... отползли назад, придерживая штаны!

Может, нам учёных поменять?

С другого конца, при всём научном ажуре нам как-то ненавязчиво, но упорно втюхивают мысли о конце света. Через стенку от упомянутых пропахших собственным ужасом учёных живут такие же эксперты. Они непрерывно дают непрерывную оценку происходящему, причём всегда в одном направлении: «Скоро гроба подорожают!»

Впитывая всё это, человечество живёт как бы в предчувствии мировой диареи. Вроде надо что-то делать, но лучше не начинать – вдруг не добежишь!

Короче, если почитать, послушать, пошерстить блогосферу, – это не жизнь, а послепраздничная рвота! То есть жить страшно, противно, дальше хуже некуда!.. Однако, что любопытно, на кладбище по-прежнему никого калачом не заманишь! Проезжаем себе мимо, вроде нас не касается! Обязательно покасается! Так чего наперёд плачем, скорбим, нервно меряем давление? Зачем обижаем судьбу? Жить-то, как выясняется, хочется. Зачем её портить?..

Потому что смотрим, цепляемся очами за всякую дрянь. Но выход есть: нужно читать хорошее.

Часто помогает.

С этой нехитрой мыслью автор решил обнародовать всё
нижеследующее.

Об авторе

Воспоминание о французском ресторане (фрагмент биографии)

Вспоминать об этом ресторане нечего. Разве что он находится в центре Минска.

Мы приехали туда около полуночи на каком-то огромном джипе. Вошли почему-то с тыла. Огромное белое помещение с двухэтажным потолком, холод от тупо работающих кондиционеров. На большое помещение нас было шестеро, все шестеро – это была наша компания. В меню всё было по-французски и лишь внизу русский перевод. В колонку цифр справа автор заглянул по глупости и сразу захлопнул эту книгу, чтобы не глянуть уже по неосторожности. И не то чтобы автор платил, нет, платил один состоятельный Виталик, просто человеку нормального состояния души и кошелек не надо показывать такие цены – это, во-первых, бессмысленно и, главное, безнравственно.

Где-то в середине тайма автор высказал мысль, которая, надо думать, витала у всех. Мысль была такая: а вот раньше бы по бутылке портвейна на лицо, два батона, кабачковая икра и плавленый сырок для дам – ведь хорошо было

бы, не правда ли, господа? На что господа промолчали, но в душе кивнули. Люди-то собрались хорошие, а французский ресторан располагает лишь к поглощению того, что они называют пищей. И называют напрасно. Ибо когда тебе на полуметровом в диаметре блюде подают что-то лежащее в центре и перекрывающее этот условный центр еле-еле – о чём можно говорить, друзья?! Но выпить можно везде и всегда. Что и делалось, занюхивая некоей булочкой, которая одна из всех яств напоминала именно еду.

Но Господь не даёт испытания выше сил, за наказанием следует избавление. Глубокой ночью ехали в том же джипе домой уже вдвоём. И вот мы едем, из динамика слышен хороший интеллигентный голос, читающий собственные произведения. Некто Игорь Иртеньев. И вот среди тех стихов автор услышал одну фразу, удивился, попросил хозяина отмотать плёнку – не ослышался ли автор? Хозяин отмотал. Автор не ослышался. Но прежде чем огласить эту волшебную фразу, автору хочется поделиться волшебным же воспоминанием, которое можно озаглавить просто:

Как я встречался с поэтом Игорем Иртеньевым. Два раза

Это было ровно много лет тому. Это была Рига, Международный конкурс юмора и тогдашней сатиры «Кубок А. Райкина». Автор со своим театром «Христофор» отправились

за этим самым кубком. Вот артисты говорят автору: «Васильевич, там есть номинация «Лучшему писателю» или поэту – выступи, а?!» Юра – директор – говорит: «Володя, у нас театр молодой, нам лишний приз не помешает». Он эти самые призы собирал, как смородину. А заявили они об этом потому, что полностью обнаглели.

Ибо уже на третьем году существования «Христофор» скопил бóльшую часть призов на последнем Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Скосили бы все, но москвичи, которые командовали всегда и всеми конкурсами и ВСЕГДА в них побеждали, никак не могли уехать домой с порожними руками, их бы в обратном поезде парализовало. Но факт, что провинциальный «Христофор» на то время был уникальным событием во всей огромной державе, и не его вина, что он был провинциальным. В этом коллективе, кстати, автор был его создателем, автором, режиссёром, художником по костюмам, музыкальным руководителем, хореографом... пожалуй, хватит. И у автора всегда была идея «побить Москву», что и делалось «Христофором» оптом и в розницу...

Естественно, автор тоже был слегка оборземши.

И вот мы едем в Ригу за пресловутым Кубком и не ниже. Автор склонился на уговоры артистов, написал специальные произведения, чтобы побить на голову пусть известных, но явно хилых конкурентов.

Приехали.

События развивались планово. «Христофор» с первого

дня обаял местную публику, ибо всегда был смешон и интеллигентен. Дошла очередь до писателей. Их было довольно много, как на тогдашний юмор. Понятно, что неумолимый отбор после каждого тура резко сокращал писательское поголовье, – так было всегда. И вот автор вышел в свою очередь, прочёл конкретное произведение, получил заслуженные аплодисменты и давай готовиться ко второму туру, а их три. Кстати, на первом же туре автор увидел в стане соперников худощавого мужчину неопределённой национальности, который читал стихи, и стихи те автору понравились. Оказалось, что мужчину зовут Игорь и он уже сильно известен в Москве. «Ну и пускай, – нагло подумал автор, – всё равно Главный приз у меня в кармане». И давай готовиться к своему второму антре.

Но случилось иначе. Случилось уникальное явление в деле конкурсов и соревнований.

Вечером накануне второго тура к автору подошёл знакомый человек, который был в жюри и который из всего того жюри один знал, что автор из себя представляет, ибо автор был-таки из провинции, – так вот он сказал, отводя взор в сторону: «Володя, тебя выкинули после первого тура, можешь лечь отдыхать». Ну, автор сильно, конечно, удивился. Оказывается, что остальное /московское, конечно/ жюри сказало: «Этот хлопец из Минска совсем сдурел: какая может быть сейчас публицистика, какие, к чёрту, призывы к свободе, к свету, – капитализм в ширинку дует!!» И выки-

нули автора с того конкурса, как паршивую свёклу... А автор-то говорил о том, что ему болело, и людям в зале тоже, — это был, напомним, 91-й год.

Ну, подумал автор, выкинули и выкинули! Не сильно и хотелось. Тем более что остальной «Христофор» на своей волне, то есть недосыгаемой. Автор уже на правах вольнослушателя посещал соревнование бывших соперников и видел, как поэт Игорь кладёт остальных буквально одной левой и получит Главный писательский приз, и поделом.

И вот финал. «Христофор», как и положено, получает этот самый «Кубок Райкина» и победу что ли в пяти номинациях. Под гром аплодисментов, ибо культурная рижская публика оценила, что можно быть смешным и интеллигентным одновременно. Что мог позволить себе лишь один их земляк с типично латышским именем Аркадий Райкин. Дальше объявляют победителей в номинации «Лучший литератор». Сидит Игорь И., он спокоен, у него уже дырка прокручена под лауреатский значок. Председатель /московского/ жюри говорит: «В данной номинации главный приз получает... Владимир Перцов, г. Минск!» Публика хлопает, удивленный автор выходит на сцену буквально в гостиничных тапочках, публика на это настораживается, но узнав, что это он командует «Христофором», прощает всё. У остальных участников глубокий вопрос: «Почему Перцов? Что такое Перцов? Где вообще этот г. Минск, кто его последний раз видел?!» Им говорят: «Это тот, которого выкинули после

первого тура; ну, который ещё говорил: "Поднять Россию с колен и поставить на попа!"»

Короче, скандал и кошмар!

А что выяснилось. Жюри, хоть и промосковское, наблюдало за остальным «Христофором» и спрашивало: «А кто им пишет тексты и вообще?» Выяснилось, В. Перцов. Что за Перцов? «Ну этот, – говорят, – который на первом туре спрашивал «чем мы думали?», за что нами справедливо изгнан, чтобы не путался под ногами с вопросами, мешающими восходить заре новой жизни». Но тогда у людей ещё были фрагменты и рудименты совести, и эта совесть велела им совершить поступок, беспрецедентный в истории конкурсов и ристалищ.

Больше автор Игоря И. не видел. Даже по ящику. Может, потому что не смотрит.

Раз второй

Итак, напомним, мы едем ночью по Минску с одним местным крутым на его же крутой машине, оба довольно сильно выпивши. И в крутой машине этого местного крутого звучит радио. Но не бухающая музыка, как можно подумать в это время суток и в этом состоянии хозяина, а – стихи. Оказывается, этот крутой любит стихи Игоря Иртеньева и много знает наизусть, – вот такие гримасы капитализма! И вот мы едем ночным осенним городом, в машине тепло, на душе то-

же, из динамика слышится приятный голос и хорошие слова. Да. И вот в какой-то момент автор с хозяином отвлеклись на разговор, но автор почти краем филологического уха что-то услышал. Что-то удивительное. Какое-то восхитительное словосочетание. И автор подумал: «Я, наверное, ошибся или почудилось». И сказал хозяину машины: «Остановите музыку! Остановите и отмотайте немного назад». Хозяин не удивился, он послушно отмотал. Оказалось, что автор не ошибся и не почудилось. Это было то самое волшебное словосочетание и звучало оно так:

«...колхоз – это вызов природе!..»

И тут автор заплакал от счастья и чужого таланта.

Кстати, после того триумфа въезд «Христофору» в Ригу был заказан. Он закрывал финальный концерт, публика не отпускала, и мы работали под их аплодисменты и под скрежет зубов организаторов. У них были свои резоны скрежетать. Автор – тоже лауреат этого собрания – стоит за кулисами, тут кто-то из артистов говорит: «Василич, мы споём напоследок «Девуцу красную», можно?» Автор легкомысленно говорит: «Валяйте!» Они спели, мы уехали в цветах и призах. Дома получили известие, что больше мы в Ригу ни ногой, мол, на границе отдан приказ стрелять на поражение.

А «Девуца красная» – симпатичная народная песня, а в исполнении нашего театра была вообще жемчужиной, розой на куче навоза, которую представляла уже тогда быстро перестроившаяся эстрада.

Солист:

– Девушка красная, уху я варила,
Девушка красная, уху я варила!

Хор:

– Уху я, уху я, уху я варила!.. И т. д.

Кстати, солидный в своё время «Кубок Райкина» вручался четыре, что ли раза. К двум из них автор имел прямое отношение: в 90-м году его получили авторские «Кролики», в 91-м «Христофор».

Хорошее было время...

Из сборника «Последний закон Ньютона»

Последний закон Ньютона

И вот, наконец, демократия победила.

Вот она уже стоит, и её можно потрогать за глаз. И никто уже и не вспомнит, как она хорошо начиналась.

А жаль, тогда происходило много поучительного и даже удивительного.

Короче, репортаж-напоминание с первых заседаний, например, украинского независимого Парламента. Вместо «украинского» по желанию можно подставить «молдавского», «российского», «азиатского». Они тогда все были похожи.

Итак, большое ярко освещённое помещение. В помещении полно как мужчин, так и остальных решительных депутатов. Депутаты так страшно любят независимость, что каждый второй готов целовать её взасос и отдать за неё жизнь, но всё нет подходящего случая. Обстановка в зале накалена, в воздухе стоит лёгкий чад перегретых мозгов. У Председателя под глазами синяки от недосыпа, более яркие – от мордобоя. То есть идёт нормальный законотворческий процесс.

Председатель сидит лицом к залу в окружении множества бумаг, говорит нервной скороговоркой:

– Панове депутаты, обстановка в нашей любимой Республике вам известна: Украина гибнет, погода неблагоприятная, жизнь короткая, до конца сессии осталось три дня, а нам ещё нужно принять 250 законов, три тысячи подзаконных актов, две Конституции и форму буханки национального хлеба! Кто за такой регламент, прошу голосовать!

Тут к микрофону в зале прорывается Крайне правый, которые бывают во всех цивилизованных Парламентах. Правый что-то кричит, размахивая над головой пиджаком.

Председатель:

– Нет, я вам слова сегодня не дам! И завтра не дам! И микрофон отключу навеки! От вашей фракции ничего конструктивного, кроме «топить жидов и вешать москалей!». Отойдите от микрофона! Оттащите там его за голову!..

Правого оттаскивают, Председатель начинает продолжать законотворчество – ворошит на своём кону председательские бумаги, что-то ищет. Страдальчески морщится:

– Поважные депутаты, на ваше рассмотрение выносятся... выносятся... чёрт его маму знает, что тут выносятся... Ага, вот оно! На ваше рассмотрение выносятся «Первый закон Ньютона»!.. Что-то название знакомое. Мы этот закон, случаем, не принимали? У кого память хорошая?.. Нет?! Ладно, читаю предлагаемый закон. «Всякое тело сохраняет состояние покоя или прямолинейного движения...» Точно

мы этот закон принимали, а когда?.. Короче, дальше по тексту! Призываю вас, панове депутаты, принять этот закон в первом чтении, прямо не читая! Кто «за», прошу голосовать!

Возле микрофона в зале возникает фигура депутата от Оппозиции:

– Оппозиции непонятно!

Председатель:

– Что вам обратно непонятно, только коротко!

Оппозиция:

– Коротко: чьё тело?

Председатель, нервно:

– Чьё тело?!

Оппозиция:

– В вашем тексте «всякое тело»! Чьё тело «всякое»?!

Председатель вздыхает, лезет в свои бумажки:

– «...состояние покоя». Значит, покойное тело, что непонятно?!

Оппозиция:

– То есть мы принимаем закон о покойниках?

Председатель сильно пугается этого слова, собирает с пола бумаги:

– Кто вам сказал, о покойниках... Да, о покойниках, как вы выражаетесь! Если мы пока не в состоянии ничего сделать для живого гражданина нашей независимой Республики, то мы просто обязаны, чтобы он почувствовал заботу об себе, когда покинул нашу независимую Республику по независи-

щим от неё обстоятельствам! Прошу меня не путать. Кто за – прошу нажать!

Но нажать не удаётся. Возле микрофона возникает кто-то из центристов:

Центр:

– Поважанный Председатель, поважанные паны депутаты, разрешите по существу. Тут в тексте сказано: «сохраняет равномерное движение». Вопрос к поважаной Оппозиции: куда может равномерно двигаться покойное тело?

Оппозиция, кричит с места:

– На кладбище, что непонятно, козлы?!

Центр, культурно:

– От козлов слышим! Это вашей фракции давно пора на кладбище! Вместе с вашим атаманом!

Сцепились. Председатель шарит по столу, чтобы в них бросить тяжёлое. Не находит, ибо всё тяжёлое давно брошено.

Председатель:

– Расцепите их там!.. Кстати, хотелось бы выслушать авторов закона! Депутат Ньютон в зале есть?! Что за фамилия такая, прости Господи! Опять нету?!

Возникает кто-то из либералов:

– Разрешите!

Председатель, кричит мученически:

– Давайте в темпе!! Мы принимаем только Первый закон Ньютона, а неизвестно, сколько у него ещё... У меня все бу-

маги перепутаны, кто-то явно ходил по столу, вот отпечатки ног!!

Либерал:

– Предлагаем наше прочтение рассматриваемого закона. Хочу напомнить, что согласно науке в природе существует три типа физических тел: мужское, женское, жидкое и газообразное. Итого – пять...

Председатель:

– Короче, ботаник!

Либерал:

– В вашем варианте «всякое тело сохраняет... состояние покоя... пока другое тело не выведет его из этого состояния». Так?

Председатель:

– И что?

Либерал:

– Ничего не понятно, ни черта! Но! Если вместо «всякое» тело мы подставим «женское» – можно голосовать!

Председатель тупо ворочает головой, как бы собираясь боднуть трибуну.

Либерал:

– Какое тело может вывести женское тело из состояния покоя?

Крик в зале:

– Давай, не томи!

Либерал:

– Предлагаем наше прочтение вашего закона: «Женское тело сохраняет состояние покоя, пока мужское тело не приводит его в состояние равномерного движения».

Председатель, тупо:

– Логично! А что скажут авторы закона?! Депутат Ньютон!.. Поважанные коллеги, кто последний раз видел депутата Ньютона и где именно?!

Поднимается дремучий мужчина в мятом пиджаке и соломой в причёске.

Председатель, радостно:

– О, депутат Ньютон. Давайте по существу.

Мужчина, хрипло:

– Я извиняюсь, я извиняюсь, я извиняюсь, я изви...

Председатель:

– Ты можешь по существу?!

Мужчина:

– Я слышу тут намёки про тело, я извиняюсь!

Председатель:

– Какое ещё тело?!

Мужчина:

– Депутатское тело, я извиняюсь!

Председатель, кричит:

– Вы кто такой, я извиняюсь?!

Мужчина:

– Депутат Лопата, 139-й приусадебно-избирательный участок! Да! Они нашли моё тело, а им даже спасибо не сказа-

ли! Месяц пролежало депутатское тело в городском фонтане, как цветок в пыли, а они тут намекают, сатирики, я извиняюсь!

Председатель:

– Так что вы хотите, конкретно?!

Мужчина:

– Вношу поправку в Конституцию: всякое депутатское тело не обязано ночевать в фонтане, как это принято в цивилизованных парламентах Азии, Африки и Латинской Армении.

Внеся поправку, депутат Лопата тут же стоя засыпает.

Председатель, срывается на жуткий крик:

– Панове депутаты! Клянусь, больше никому слова не дам! Сам попринимаю все законы к чёртовой матери!.. А? Что?.. Тут мне подсказывают, что депутат Ньютон уже умер. Наш коллега пошел от нас, а мы не можем договориться, чьё нам тело лучше: женское или депутатское. Позор!!.. Панове депутаты, прошу почтить память нашего товарища, депутата Ньютона Исаака... Кто мне подскажет отчество? Ладно, Ньютона Исаака без отчества почтить память принятием его Первого закона!

На «Исаака» вырывается Правый, что-то оттуда кричит.

Председатель, кричит:

– Да, Исаака! Да, еврея Исаака закон! Примем обязательно! Он всё равно выполняться не будет, а родственникам, может, будет приятно! Вырвите у него там микрофон! За-

бейте досками!.. Так, кто за первый закон еврея, прошу нажать на ньютона! Тьфу!

В проходе появляется большой конкретный военный.

Председатель, остывая:

– Армия просит слово.

Военный:

– Товарищи панове депутаты, я человек военный, поэтому у армии накопились вопросы. Например, перевод армейских команд на державную, я извиняюсь, мову!

Председатель:

– Например?

Военный:

– Например. Когда державные команды «Налива» или «Направа», «Стый» или там «Ура!» – всё понятно. Но бывают накладки. Возьмём команду «Раком руш!».

Председатель, на грани рассудка:

– Куда-куда?!

Военный, просто:

– Раком, извиняюсь! Приезжаю в часть, полковник командует державную команду, полк становится, извиняюсь, вот так, и в таком виде идёт торжественным маршем вместе с оркестром!

Председатель, дошло:

– Не «раком», а «кроком»! Шагом марш!

Военный, просто:

– Мы люди военные. Но нам понравилось. Особенно когда

женская дивизия, так другой раз смотришь, в каждом глазу по биноклю. Короче, у нас просьба этот вопрос решить. А мы – мы люди военные!

Председатель смотрит на часы, ужасается:

– Паны депутаты!! Закрываю прения к чёртовой матери!

Кто за первое женское тело, прошу нажать раком!!

Процесс голосования прерывает появившаяся решительная женщина.

– Уважаемые мужчины, прошу слова!

Председатель:

– Вы от кого?!

Женщина:

– Я от уборщиц нашего уважаемого Парламенту. У меня вчера было чисто! И позавчера было чисто. А сегодня у меня нечисто! Прихожу в мужской туалет, а в шестой кабинке через все двери написано, вот, читайте, я переписала!

Председатель громко читает:

– «Здесь седел Вова, 214 избирательный участок!» Владимир Семёнович, не прячьтесь! Вы член цивилизованного Парламента, а вы что в туалете пишете?! Разве «седел»?! Сидел!!

На «сидел» вновь вскакивает Правый, что-то оттуда кричит.

Председатель, безнадежно:

– Хорошо, я дам вам слово! Но если ещё раз услышу про топить жидов и вешать москалей!!!

Правый, спокойно:

– Паны депутаты, я не буду говорить про политику! Я буду говорить про экологию. Паны депутаты, Украина гибнет, реки мелеют, деревья сохнут. Если так и дальше пойдёт, **скоро не будет где топить жидов и вешать москалей!!!**

И тут, как говорится, началось.

А чем это всё закончилось – сегодня известно даже идиоту.

Как начинался капитализм

Лично для автора капитализм начался в поезде и некрасиво.

Было лето, над страной дул и мотал флагами ветер перемен. От него кое-что уже упало, кое-что громко крикнуло и рухнуло поверх упавшего прежде. А кое-что только крикнуло, необходимо накренилось и замерло в таком составе, раздумывая: так падать или потерпеть? Может, всё вернётся?

Не вернулось.

Надо признаться, что автор был вскормлен грудью развитого социализма. И нисколько об этом даже не жалеет, хоть грудь та была полупустой и снаружи – так себе. Но это сейчас автор не жалеет, а в то время диссидентствовал, жаждал перемен; стоя в строгой социалистической шеренге, несогласно и твёрдо сжимал в кармане фигу. Когда же шествовал мимо монументальных окон Комитета государственной безопасности /КГБ/ по ул. Владимирской, изображал на лице невыразимую благонадёжность. Ибо было, было, вызывали автора туда невыразительной с виду повесткой, и входил он в тяжёлые двери бледный, а выходил свободный, но Очень Встревоженный.

Было отчего.

И вот – свершилось! Новые ветры, новые слова, смелые сильные жесты, бодрые запахи свободы! Радуйся, народ! Ра-

дуйся, радуйся; и паки реку, радуйся!.. Да!

Но радость была недолгой.

Да. И вот в эти волнующие дни ехал себе автор из пункта А в пункт Б, то есть в родной Киев на верхней полке. На остальных полках ехало три человека мужчин. Они вошли в купе гурьбой, громкие, моложавые, энергические с редкими тогда портфелями-дипломатами. Это была зарождающаяся когорта людей, как их тогда называли, «при деле», хотя до легендарных малиновых пиджаков было ещё далековато. То есть пиджаки уже кроились, но клиенты, не дожидаясь, подняли временные паруса и дули на них в открытое море новой креативной жизни. И вот поезд двигался пока ещё по старым рельсам, соседи много и энергично говорили, часто одновременно, как бывает с женщинами. В воздухе так и мелькали тогда непривычные уху слова вроде «бартер», «лизинг», «СКВ» и проч. В купе буквально парило твёрдое слово «бизнес». Как бы гордый заокеанский стервятник, с криком согнавший с насеста нашу квёлую «птицу счастья завтрашнего дня».

Это была популярная тогда советская песня, предсмертная.

Потом эти трое, будучи пока ещё русскими, достали бутылку-другую, разложили закуску, вытряхнули казённые стаканы из жестяных подстаканников, налили, выпили за своё процветание – «просперити».

Сноска. Опытные помнят, что когда в купе мужская ком-

пания собиралась выпить, а присутствовал посторонний, его вежливо приглашали разделить праздник. Это был неписанный и никогда не нарушаемый наш закон: тебе культурно приглашают, ты хорошо отказываешься – мы друг друга уважаем.

Так было на ж/д путях со времён братьев Черепановых, кто знает.

Но в тот момент в этом правильном порядке что-то лопнуло. Эти предтечи, эти барабанщики и знаменосцы новых громокипящих дней выпили по второй, по третьей; громко закусывали, говорили ещё громче, хвастались вообще с надрывом. При этом НИ РАЗУ НЕ ПРЕДЛОЖИЛИ ПРИСУТСТВУЮЩЕМУ ЧЕЛОВЕКУ, ТОЖЕ МУЖЧИНЕ, РАЗДЕЛИТЬ ТРАПЕЗУ!!! Взамен они зычно радовались перспективам, ругали новую власть, торопливо хохотали. Человек с цыганскими золотыми зубами радостно делился, как он перегнал по телефону на чей-то адрес вагон сахара, заработав, угадайте сколько баксов?

Много, оказалось, баксов. И всего за 10 мин.

Автор наблюдал сверху это пиршество бизнес-разума, видел их прореженные макушки – будущую бытовую плешь, нюхал запахи чужого застолья и с глухой тревогой понимал, что наступает что-то непонятное, неправильное, некрасивое.

Что-то не наше!

Что впоследствии трагически подтвердилось.

В общем, для автора эта сцена была как бы визитной кар-

точкой новой чужой жизни.

Но Господь не посылает испытания свыше сил. Поэтому любяще послал такую же карточку, но уже в юмористическом преломлении.

Итак, зима, глубокий вечер.

Мы сидим вчетвером в мастерской друга-художника по имени Лёня. Мастерская небольшая, тёплая, невероятно уютная, что с мастерскими случается редко. Мы сидим вокруг накрытого стола, а столом служит чертёжная доска. Доска поставлена на табурет; правильная доска, украденная хозяином в... Короче, там, где её уже нет, такой необходимой в чертёжном деле, такой списанной рачительным завхозом с ещё десятком полезных в домашнем быту предметов.

Раз всё равно её не вернёшь...

Доска застелена свежими чистыми газетами. В газетах волнующие рассказы наших корреспондентов с мест о первых, трогательных ростках капитализма. Поверх газет расположился небольшой гастрон из початых консервов, хлеба, разнокалиберных рюмок и проч. Мы сидим вокруг этого скромного пира, за тёмными ночными окнами посвистывает что-то вроде вьюги, от этого внутри ещё теплее и задушевнее.

Течёт неспешный разумный разговор.

Конечно, говорили о происходящем в стране, о новых передовых временах. Повторяли услышанные инде примеры молниеносной наживы. Думали «а чем мы хуже?», закусы-

вая мятыми бочковыми огурцами... Вот, вспомнилось. Тогда вдруг возникли кооперативы. Помнится, от них ждали чуда. Газеты, помнится, несли благоухающую весть, мол, кооперативы возникнут, окрепнут и быстро-быстро насытят потребителя. Насчёт «насытят» тогда это было актуально, достаточно было, например, посмотреть на наш праздничный ассортимент, расположенный поверх бодрых газет. Но чуда не произошло. Кооперативы возникли и быстро-быстро насытили друг друга на глазах изумлённого потребителя, которого по-прежнему выписывают из больницы с самым точным в мире диагнозом: «отмучился»!

Это автор в те времена так посылно юморил, выполняя наказ «прощаться с прошлым со смехом», как на то упорно нас нацеливали организаторы и стратопедархи будущих сокрушительных побед.

Сноска. Боже мой, каким же автор был дураком, вопиющим!

Но это выяснилось позже, а пока мы сидим в тепле, вспоминаем хорошее, надеемся на ещё лучшее; что-то неясно предчувствуем, располагая жить именно вечно.

Хозяин мастерской Лёня вспомнил, как некогда халтурял на одном заводе под Киевом, рисовал наглядную агитацию. И рассказал о бытующем там диковинном способе поощрения трудящихся.

Сноска-2. В те давние социалистические времена где-то наверху сидела группка людей, которые придумывали спосо-

бы, чем ещё подтолкнуть трудящихся на амбразуру трудового подвига. Проще говоря, как заставить этих сволочей-трудяжеников работать страстней, при этом не столько им платить, сколько отделаться улыбкой или треугольным вымпелом под такое же рукопожатие. Эти нанятые люди придумывали всякие трудовые движения, и почины, и начинания, и «бригады коммунистического труда», и «Люби пятилетку – мать твою!», и проч.

Сегодня они успешно работают в рекламе.

Да. А завод, где халтурял Лёня, был не просто завод, а имел впереди волшебную приставку «спирт». Полностью: Спиртзавод им. Чкалова. Или Юлиуса Фучика, или им. Дерсу Узала. Тогда не скупилась присваивать чужие имена фабрикам и заводам, лишь бы человек хороший.

И вот – рассказ Лёни про удивительную форму поощрения трудящихся и их передовиков.

Форму фантастическую, хоть и вполне в духе того времени.

Например, на общем собрании завода объявляется, что за работу и беспробудный труд водитель электрокара Шкуро М. С. награждается Большой почётной грамотой! Шкуро выходит, получает Грамоту, смахивает ею признательную слезу. А доводчица Михалюк Лена Ивановна награждается бесплатной путёвкой и немалым букетом полевых роз. Лена Ивановна получает цветы, берёт путёвку, смахивает букетом стакан со стола президиума, думает: «Лучше бы дали день-

гами, сволочи». А слесарь-сборщик ящикотары Ягайло Мирон как самый преданный производству награждается «МЕСТОМ ПОД БАНКУ»!

Конечно, и автокарщик Шкуро, и доводчица Михалюк, и каждый из иных награждаемых сопровождался тёплыми подбадривающими улыбками, товарищескими аплодисментами. Но самый большой авантаж и восклицания коллектива получал, конечно, Ягайло Мирон Йосипович, кавалер «Места – Под – Банку».

Что же это было за Место такое?

Волшебное, горячо чаемое место!

Дело в том, что готовая драгоценная продукция завода / спирт/ доставлялась до места хранения и дальнейшей транспортировки отнюдь не вёдрами, что было бы ужасно в последней четверти XX века, а по нержавеющей трубам. Те трубы, естественно, имели стыки-сочленения. А сочленения были сделаны кем? Правильно, своими же передовиками из сэкономленных у себя же материалов. Поэтому они естественно-исторически протекали.

Стыки, конечно, а не передовики...

Ну, «протекали», сказано ярко... Капали. И вот, по рассказу Лёни, под этой негромкой, но неуклонной капелью прикреплялись именные стеклянные банки, куда и собирался этот нектар наших лесов, полей и химических рек. Когда банка наполнялась, её хозяин опрокидывал содержимое в более личную ёмкость. Гордо и беспрепятственно нёс её

через проходную, шагая с работы устало. Конечно, эта награда не могла быть пожизненной и не была. Рано или поздно содержимое призовой банки валило обладателя с прямых ног, вследствие чего «Место под банку» передавалось более устойчивому. И т. д. И вообще, по наблюдению умного Лёни, на том заводе был расцвет демократии, равенства и братства. Поэтому, например, банки заводского руководства были зарегистрированы на подставных передовиков.

Боже мой! Каких только чудес не было в той, не знающей своего счастья стране!

Да. Вот в таких и иных хороших воспоминаниях протекала та тёплая во всех смыслах встреча в давней зимней мастерской. Однако по незыблемому закону подлости в самый апогей нашего скромного счастья закончилось горячее. Разговор сбился, начал тормозиться, затем пробуксовывать, затем буксовать. Затем он буксовать прекратил, поскольку остановился вовсе. Естественно, возник естественный вопрос: так что? В смысле, что ли, так и разойдёмся – ни туда ни сюда? А если нет, то куда бежать, ибо на часах половина двенадцатого зимней ночи, в окна ударяют снежные снежки! Но, кроме мрака полуночи, был ещё один мрачный пункт: на дворе уже действовал гнусный сухой закон, медленно, но верно иссушающий некогда пышное древо пьянства, самогонварения, а заодно вот такое тёплое человеческое общение. То есть ситуация обрисовывалась популярным в то время словом «глухо». Но тут кто-то вспомнил и воскликнул:

«Друзья, вы забыли формулу «товар – деньги – товар»!» «В смысле?» – спросили мы. «В смысле, – сказал этот кто-то, – что зреет капитализм, поэтому говорят, что на Крещатике табачный киоск выкупила группа пенсионеров, в смысле акционеров, и торгуют там водкой. Дорого, но круглосуточно».

А звали сообщившего ту хорошую весть тоже подходяще: Давид.

Ему, конечно, не поверили, ведь тогда капитализм ещё только бродил в умах. Однако Давид напомнил нам раздел из курса политэкономии, где утверждалось, что капиталист, по меткому выражению его лютого врага К. Маркса, мать родную кокнет, только чтобы получить пресловутую прибавочную стоимость. Не говоря уже об поставить горемычную старушку торговать водкой ночью на морозе.

В общем, хозяин мастерской остался сторожить свои холсты и подрамники, а мы втроём пошли по туманному адресу. Было сказано, что ночной бизнес происходит в киоске, что в конце Крещатика. Спустились на Крещатик, тут же замёрзли. Самый юный из нас по имени Олег Степанович настаивал, что у нормальной улицы обязательно должно быть два конца; в какой из двух будем двигаться? И правда. Крещатик-то улица, обычно не очень длинная, но не такая уж и короткая, особенно если зимой, особенно против ветра. Умный автор придумал: надо разделиться. Одни пойдут к Бессарабскому рынку, остальные – в направлении филармонии. В результате он обязательно попадёт в наши сети. Ки-

оск. Остальные автора охладили, доказав с цифрами в руках, что в этом случае придётся разделить и деньги, а денег было как раз в один конец. Решили положиться на счастье. Олег Степанович сказал, что последнее время ему везёт, как утопленнику, особенно в метро, поэтому предлагаю идти направо.

Его выслушали и немедленно повернули налево.

Ночной зимний Крещатик напоминал Петроград, как его показывали в фильмах про революцию: темно, пусто, мороз. Ночной ветер гонит через улицу языки снега, раздувает полы революционной шинели, сечёт снегом, разматывает ленточки на матросских бескозырках. Все эти прелести мы испытали на себе, ибо идти пришлось против ветра. Воротники подняты до бровей, оттуда поднимается пар стылого дыхания, руки засунуты в карманы по самые подмышки. «Я же говорил, направо», – глухо ругался Олег Степанович внутрь шарфа, но его никто не слышал, шли уже из принципа. Было немного страшно, знакомые здания и строения были тёмными, плохими и незнакомыми. Вспоминались случаи начавшихся разборок и непривычной ещё в то время стрельбы по движущимся людям.

Куда мы идём, зачем, кто сказал, что там продают; может, вернуться назад, в тепло?

Разговор не клеился. Потом снова склеился, когда самый внимательный, хочется думать, автор вспомнил, что как раз по центру улицы есть старый табачный киоск, может, речь

о нём?! Все тут же вспомнили популярный киоск на легендарном углу Крещатика и Прорезной, тогда ещё Свердлова. Устремились туда. А вон и он – довоенной архитектуры, известный с курительного детства киоск, тяжёлый и коричневый. Сейчас он стоял ещё более мрачный, похожий на старый заброшенный склеп. Не хватало лишь луны, освещающей кладбищенский погост сквозь рваные бегущие облака. Обошли киоск вокруг – гробовой мрак. Поковыряли ногтем стену, покрытую сотней слоёв неизменно коричневой краски. Поругались в эту жизнь, перестройку, в автора – подателя идеи.

Нужно было отступить.

Начали отступать, нехотя. Вдруг кто-то заметил под окошком полосу света, узкую, как лезвие. Показалось. Нет, не показалось, ага – внутри есть жизнь! Постучали. Тишина. Постучали в три кулака. Окошко слегка приоткрылось, ровно, чтобы пропустить человеческий голос. Голос спросил, сколько? Ага! Мы спросили, почём? Сговорились. Окошко приоткрылось больше, как раз чтобы пропустить внутрь деньги. Быстро закрылось. После томительной паузы оно приоткрылось на ширину ружейного приклада, выпустило наружу бутылки с дорогим содержимым, тут же захлопнулось. Наше интеллигентское «спасибо» ударилось о замёрзшее стекло, отскочило и откатилось в сторону подземного перехода.

Где и сгнуло.

Но мы были не в претензии. Мы оживлённо распределяли товар по карманам, понимая, что участвуем в новых, не устоявшихся пока формах обслуживания. Тут, извините, не до культурных условностей. Тут бы быстрее домой!

И вот когда мы уже развернули лыжи в сторону покинутого стойбища, произошло нечто, что помнится до сих пор. Вдруг из темноты выросла человеческая фигура. Эта фигура как бы сгустилась из мрака, явно мужского пола, невнятного роста, неразборчивого во мгле вероисповедания. Озадаченные, мы остановились. Сильно озадаченные. Человек бесстрашно приблизился к нам вплотную и задал нам странный вопрос. Застигнутые врасплох, мы ему кое-как ответили. Выслушав ответ, человек промычал нечто застывшим голосом и сгинул. Он мгновенно слился с темнотой или растворился в ней, как бы ушёл в мрачное параллельное измерение. Всё произошло так быстро, что мы проводили его с его странным вопросом в его измерение и тут же как бы забыли.

Помнится, пар у него изо рта не шёл.

Возвращались назад бодро, как с урока физкультуры. Энергично хвалили прибавочную стоимость, мудро заставляющую человека мать родную... в смысле заставляющую людей сидеть страшной зимней ночью в непригодном для такого дела помещении и предлагать ищущим своего нехитрого счастья их нехитрое счастье. Город не казался таким уже страшным и забубённым, обретенные горячитель-

ные напитки горячили прямо через стекло.

Ветер дул в спину.

Поднялись в мастерскую, прослушали возгласы радости со стороны заскучавшего хозяина Лёни. Потеряв надежду, он уже начал демонтировать стол, а тут – мы трое, живые, практически с песней на негнущихся устах! Стол тут же восстановили, расселись вокруг, налили, преломили хлеб. Костёр беседы снова вспыхнул, осветил, согрел остывшую впопыхах душу...

Молодец автор, красиво, хорошо сказал!

И вот мы снова вместе в половину второго ночи. Всё позади. А впереди ещё полночи в кругу хороших разумных людей. Прерванный хороший разговор начался почти с новой силой. Однако из головы автора не выходил человек из ниоткуда. У соседа /Олега Степановича/ на лице было то же сомнение. Он первым обратился к автору с осторожным вопросом:

– Вова, а это... к нам возле киоска никто, это... ну, не подходил? В смысле ты никого там не видел, вспомни!

– Помню, – ответил автор, подумав, и осторожно справился: – А что?

Третий /Давид/ отставил руку с невыпитой рюмкой, замер, прислушиваясь к нашему переговору.

– А что он сказал, этот человек, не помнишь? – снова осторожно спросил спрашивающий Олег Степанович.

Повисла пауза.

В общем, после тройного перекрёстного допроса к великому облегчению выяснилось, что нет, не показалось, мы не стали жертвой массового гипноза или отравления – мы видели и слышали одно и то же.

– Так что там случилось? – допытывался хозяин Лёня, которому, может, было обидно, что все вокруг понимающе кивают, облегчённо вздыхают, улыбаются, а он один стоит недоумевающий с наколотой на вилку закусочной рыбкой.

Как Робинзон Крузо с выловленным в океане канадским долларом.

Естественно, ему, хорошему художнику и человеку, рассказали в красках про поход и добычу, и про мистическое явление человека из мрака, и про его странное предложение.

Мудрый Лёня – старейшина того памятного застолья – поудивлялся вместе с нами, потом наполнил рюмки и сказал:

– Поздравляю, друзья, вот и наступил капитализм!

В конце этой небольшой правдивой повести автор хочет спросить любезного читателя:

– Любезный читатель, что мог спросить человек у трёх неразличимых в ночи мужчин зимой, на продуваемой ветрами улице пустого, дичающего уже тогда огромного города?

После небольшой паузы отвечаем: возникнув из какого-то нового измерения, он негромко, как бы не для посторонних ушей, сказал:

– Ребята, утеплённый линолеум не нужен?

Так выпьем же за прибавочную стоимость, заставляю-

щую человека пренебрегать законами природы, мироздания
и просто законами!

А паразиты, как говорится, никогда!

Пост № 1

Было некогда в нашей бывшей великой стране патриотическое явление – Пост № 1.

Находился этот Пост аккурат у входа в Мавзолей и состоял из двух вооружённых часовых. Он состоял как бы из двух смертных, сторожащих одного бессмертного. С примкнутыми штыками. Потом этот Пост переместился к могиле Неизвестного солдата, да и остался там навечно. Как бы убедившись, что бессмертный уже никуда не убежит.

Речь здесь пойдёт про старый Пост № 1, где в своё время случилось небольшое, но памятное для многих приключение.

Особо памятным это приключение оказалось для:

– рядовых Полещука и Туркени – военнослужащих срочной службы и сержанта-татарина их Асхата Бахтиярова;

– Алика Гликмана – артиста погорелого театра;

– Утелены Львовны Брик – старой коммунистки-ленинки и друзей её – старых и не старых большевиков с большевичками числом восемь. Или одиннадцать;

– двух безымянных девушек-лимитчиц, которые легко отделались.

Пожалуй, и всё.

Глава 1

Это случилось, когда в бывшей великой стране наступили новые времена.

В ухо уже дул холодный ветер перемен, в другое дули бодрые звуки новой жизни. Иногда они объединялись, дули в одно ухо, тогда страна накренилась и черпала бортом воду; шатались и раскачивались устои, жители цеплялись зубами за ванты и соломинки; в телевизоре мелькали молодые пакостные лица с новостями, мол, тонем, друзья, теперь уже точно конец, как в песне:

А море чёрное ревело и стонало.

На берег рушился, гремя, за валом вал.

Как будто море чьей-то жертвы ожидало.

Стальной гигант кренился и стонал.

Были, были жертвы, но меж тем держава крепилась. Например, Ленин по-прежнему лежал в Мавзолее, простой и навечно выбритый, как бы якорь старой жизни. К Мавзолею всё ещё выстраивалась очередь из любопытных или самых отпетых. Последние приходили регулярно и в тупой надежде, что однажды вождь не выдержит, прохаркнется, густо сплюнет – да как гаркнет голосом богатырским, да как свистнет посвистом молодецким, да как... Короче, рухнет поганая демократия, засучит ножками в неокрепших штанишках –

тут и сказке конец! И тогда они – упорные – возьмут хлеб-соль и выйдут встречать прежнюю Жизнь, Порядок и Старые Деньги, поя:

*Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
А паразиты – никогда!*

И т. д. А как перейдут на третий куплет, все паразиты уже будут лежать рядами, как спички с оторванными головками: спикеры, олигархи, копирайтеры, служители культа, девы-писательницы. А особо – чёрные риелторы и бизнесвумены!

Как предупреждение будущим поколениям.

Но не поднимался вождь, не гаркал голосом богатырским, не свистел посвистом молодецким! А лежал, строго говоря, в гробу в костюме при галстукe и, похоже, смирился. Вот и почётный караул хоть и печатал шаг по-прежнему, но уже не слышалась в той поступи сталь – проклятая демократия раскрыла пасть и заглушила все остальные благоразумные звуки! Потому и неспетый Интернационал стоял колом в горле – ни туда, ни отсюда.

Как пресловутая кость.

А однажды во вторник двери Мавзолея и вовсе закрылись. Буквально перед носом у женщины с Каширки с двумя детьми. В прессе объяснили, что Мавзолей временно закры-

вается по техническим причинам. Очередь терпеливо вздохнула и, к великому ликованию подрастающего поколения, перекочевала к модному «Макдоналдсу». Тут же пошли слухи, что никакие это не технические причины, что дорогое тело собираются вынести наружу и зарыть на Немецком кладбище. То есть вульгарно предать тело земле, а помещение отдать детям под утренники. Будто мы с вами, товарищи, маленькие и не понимаем, каким детям и под какие утренники с подземным казино и сауной! Другие кричали, что никто никого не собираются закапывать, просто наши хотят получить с вождя последнюю корысть. Мол, революционная Венесуэла даёт за тело Ильича пароход кокосов для политической элиты. Но, мол, вопрос застопорился. Мол, наши оскорбились, крича, за вождя мирового пролетариата – пароход с кокосами?! Это знаете что?! Дайте хотя бы два парохода! А сбоку, мол, им подсказывают: «и не кокосов, а кокаина!» – «Да, именно! А то, мол, это будет не обмен, а политическое дежавю!» Тогда как раз в моду входили всякие резиновые слова, и это «дежавю» вставляли даже в аптекарские рецепты или называли новорождённых котят.

Тогда же на защиту дорогого тела организовался Комитет во главе с Утеленой Львовной. Это её папа так сокращённо назвал: Утелена. Полностью: «Утеха Ленина». Комитет постановил ночью дежурить у Мавзолея, чтобы эти сволочи тайно не вынесли Ленина вон; потом его ищи-свищи! Учредив такой план, комитетчики ещё раз общо прокляли

демократию и её аггелов, спели «Вихри враждебные», «Наш паровоз». Разошлись, выпив вина и установив график дежурств, крепко жмя на прощание мужественные руки.

Как при царе после маёвки!

Но время шло, страсти улеглись. Видя, что на Пост № 1, хоть и запертый изнутри, исправно ходит почётный караул, многие успокоились и занялись мелкой торговлей с рук. Лишь горячая Утелена с десятком таких же отпетых устраивали к Мавзолею внезапные ночные наскоки. Потом и они затихли, оставляя дежурить по одному ночью, чтобы если там что зашевелится, чтобы свистел всех наверх.

Глава 2

И вот в это тревожное время служили в знаменитом Кремлёвском полку белорус Туркения и хохол Полещук. И надобно случиться, чтобы военному служащему Туркение аккурат стукнуло 20 лет аккурат 20 июня – приятное совпадение. Он приготовился отметить его с боевыми друзьями, и мама для этого прислала кое-что из Белоруссии, и всё было хорошо. Но как раз накануне ему командуют: ночью заступишь на пост вместо Аكوпова! И попробуй послушаться. Своё горе молодой Туркения поведал старослужащему Полещуку, с которым судьба поставила его на ночную вахту. Полещук считал дни до дембеля, поэтому часто фотографировался на память. Услышав горе Туркении, он прервал это дело и сказал

коротко: «Не волнуйсь, отметим!» И добавил: «Это тебе не раньше!»

Собственно, история начинается с момента, когда разводящий Бахтияров забрал старый караул, и они ушли восвояси, печатая по брусчатке знаменитый кремлёвский шаг, по ночному делу как бы с глушителем. Новый караул в лице Полещука и Туркени замер у почётного входа, задрав подбородки, и верилось, что врагу не гулять по республикам нашим. Во всяком случае, пока они на посту.

Куранты показывали 02 часа короткой летней ночи.

Как только старый караул скрылся за углом, Полещук опустил подбородок и открыл двери Мавзолея ему известным способом. Они с Туркенией проникли внутрь, спустились в помещение. Там был холодный полумрак, дальше в гробу лежал вождь мирового пролетариата Ульянов /Ленин/. Был он в пиджаке и ботинках, прикрыт до половины красным флагом, как бы патриотической простынёй. Лицо Ульянова /Ленина/ глухо белело в сумраке.

– Стой здесь, – велел Полещук. – Я включу свет.

Вспыхнуло неяркое освещение. В помещении стало немного теплее и страшнее.

– Товарищ сержант, – проговорил робкий Туркения, стараясь не глядеть на белесое лицо вождя, – а вдруг он оживёт и вспомнит?

– Мы тоже сперва боялись, – невнимательно ответил Полещук, добывая из тайника стаканы и раскладывая на бор-

дюре старую газету. – О, и сало принёс?! Молодец, Туркения, хорошая смена растёт! Правда, товарищ Ленин?

Посмотрели на молчаливого вождя.

– Молчит, – констатировал Полещук. – Всегда молчит! Но однажды поднимется – и как скажет!! Только я уже буду на дембеле! – радостно закончил он.

Разлили мамин гостинец по стаканам.

– Ну, – сказал Полещук, – о хорошем: мне до приказа осталось 26 дней, а тебе, Туркения?

– Пятьсот тридцать восемь... уже семь, товарищ сержант!

Полещук пошевелил толстыми губами, как бы намереваясь досчитать до пятисот, затем плюнул.

– Туркения, – сказал он очень искренне, – я бы на твоём месте повесился!.. Ну, за вышесказанное!

Выпили. Полещук покрутил головой, заглянул в пустой стакан, снял фуражку и ещё раз покрутил головой. Как бы в облегчённом варианте.

– Ух, х-хорошая! У кого брал?!

– Мама делала, – пояснил простодушный Туркения. – Называется «Пой, петушок!».

– Кто называется?

– Это дедушка Михась любит каждому сорту давать имена. Ещё есть «Бей, барабан!»... Да разных много. Только «Барабан» идёт на экспорт. У нас его поляки покупают, потом клеят свои этикетки и перепродают немцам. Только у них называется уже не «Бей, барабан!», а «Катастрофа гума-

нитарна», и на этикетке пароход вверх ногами.

– А чего тебе её не прислали? – спросил Полещук, заедая с газеты. – Катастрофу эту?

– Для «Катастрофы» нужна специальная закуска, – сообщил Туркения. – Простая закуска от неё не защищает. – И пожаловался: – Поляки покупают у нас по 10 злотых, а немцам продают по 50 марок, сволочи!

Поругали поляков. Полещук вспомнил, что Ленин тоже никогда не любил поляков. Бывало, не пропустит случая, чтобы не погнаться за поляком и не ударить по спине палкой. Без палки и не гулял.

– Ну, – сказал Полещук, – за тебя, Туркения, выпили. Давай выпьем за него. Если бы не он, на земле не было бы мира, а были бы одни поляки!

– Можно я стихи про Ленина скажу, я в школе запомнил.

– Давай, Туркения, дуй стихами, я люблю! Если стоящие – запишу в дембельский альбом!

Туркения поднял руку со стаканом, посмотрел на крытого кумачом вождя и сказал прозой:

– Товарищ сержант, – сказал он. – Гляньте, он смотрит!

Полещук повернулся в сторону лежачего вождя и онемел – на бледном лице вождя буквально горели два глаза. И глаза те, нехорошие и немигающие, были устремлены прямо на них.

В этом месте занавес временно закрывается.

Глава 3

Некто Алик Гликман служил артистом в одном погорелом театре и не блистал там ничем. То есть блистал, но не талантом, а большой лысиной, чуть не с восьмого класса средней школы и благодаря которой, кстати, пользовался нелогичным успехом у озабоченных одноклассниц. А ещё в гриме он был страшно похож на вождя мирового пролетариата. Его, собственно, за это в театре и держали. А ещё Алик был юмористом-хохмачом. Например, однажды после премьеры мюзикла «Да Ленин всех вас передушит!» они со Стасиком, исполнявшим роль Дзержинского, надрались в театральном буфете, а затем пошли в город «водить козу». В костюмах и гриме. И конечно, нарвались. Любопытно, что Стасика-Дзержинского никто не узнавал, хотя был он тощий, в знаменитой шинели до пят, и даже в двух местах размахивал крашеным бутафорским наганом, требуя революционной законности. Законность он требовал от швейцара одного из ресторанов, в который их с Лениным не пускали, якобы Дзержинский без галстука. Стасик, войдя в образ, размахивал револьвером перед носом швейцара, на что тот покорно моргал, говоря: «Без галстуков не положено!» Алик Гликман мерил пространство перед входом мелкими ленинскими шажками, ругал швейцара «иудушкой» и кричал: «Театр! ты понимаешь, скотина, что такое театр?!» Пока рассвирепевший

швейцар не отодвинул Стасика-Дзержинского вместе с револьвером, спустился к Ленину, взял его за жилетку и громко крикнул в лицо: «Какой театр?! Ты же сам говорил: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»! Говорил, вспомни?!» И пихнул вождя в грудь.

Вождь упал на мокрый асфальт.

– Стгелять, – кричал он, лёжа на спине, суча ногами в казённых штанах. – Стгелять всех, как бешеных собак!

Поднявшись на карачки, он сбился с мысли и предлагал стрелять всех, как бешеных кур! Короче, и в милиции сильно удивлялись живому Ленину, а у Дзержинского даже наган не отобрали, какой факт добил его окончательно. Потому что перед этим и в троллейбусе все показывали пальцем не на него, а на Алика-Ленина, хотя Дзержинский совал водителю в зубы пресловутый наган, пытаясь экспроприировать выручку.

– Какая тебе выручка, скотина?! – отбивалась немолодая женщина-водитель. – Отойди, говорю, а то звездану ключом! Дай на Ленина полюбуюсь! Может, я ему сейчас на дочку с зятем пожалуюсь!

Короче, вытурили Феликса Э. Дзержинского из отделения взашей, а Алика задержали до утра, чтобы показать это чудо-юдо начальству.

Потом вызывали, конечно, Алика куда следует, и имел бы он для себя плохие новости, но уже ударили новые времена, когда сам чёрт не мог бы твёрдо сказать, кто такие эти Маркс

и Ленин. Одни пишут «братья – продолжатели», на соседней странице написано «два душегуба», на третьей просто изображена голая девчонка без трусов... И кому верить?! Вот Алика и отпустили ни с чем, как бы в залог грядущей демократии. А Стасик-Дзержинский с тех пор заимел на Алика крепкий зуб, ожидая момент, чтобы ему подгадить.

Да всё не подворачивался случай.

Глава 4

Меж тем новая жизнь текла своим подлым чередом, подкидывая сюрпризы один гадостней другого.

Например, ни с того ни с сего в страну догорающего социализма решила прибыть делегация одной третьесортной братской страны. Возможно, сдуру. Нашим только этого не хватало. Наверху долго спорили, принимать побратимов или объявить неприлетную погоду. Постановили: делегацию принять, своей нужды наперёд не знаешь! Но тут заминка: делегация приедет, по ритуалу захочет поклониться основателю мировой перспективы, а на Мавзолее записка: «Извините, тело на реставрации». Какие же мы после этого материалисты? Короче, решили на самом верху, покажем братьям революционное тело, и пускай себе учёные ремонтируют дальше.

Но беда не ходит одна.

Когда наши велели приготовить тело к просмотру, им про-

кричали в ответ в трубку: «Какое тело, соображайте! Тело уже расфасовано по специальным ёмкостям!» Наши отсюда кричат: «Показ тела – идеологический гвоздь программы, вы там думаете чем-нибудь?» Те оттуда кричат: «Мы можем за просто выставить Ленина на обозрение, но в таком виде наши друзья могут поменять политическую ориентацию, или вам мало врагов?!» И так далее, в духе крепнущей демократии. Повисла тяжёлая пауза. Что будем делать, товарищи?!

Неизвестно!

Но ведь не дураки там столько лет сидели, врагам на страх! Кто-то помоложе подумал и сказал:

– Разрешите обратиться? Нужно подложить живого Ленина!

– Кого живого?!

– В смысле дублёра! Они же его нюхать не будут. Полюбуются – и на банкет.

– Да, – поддержал кто-то, жалея, что это не он придумал. – Главное, чтобы не пошевелился!

– И пускай шевелится, – продолжал гнуть предложивший. – Пускай! Он шевельнётся, а мы скажем: «Хорошая примета! Ленин шевельнулся, значит, приедете ещё». Вроде монетка в фонтан!

Покрутили старики-генералы сивыми головами, повздыхали, пожалели об старых порядках – выхода не было. Но велели, чтоб без шевеления, не то сами рядом ляжете! Мол, и без вас тут полно гадов и экстрасенсов!

Но беда не ходит одна-2!

Легко сказать, дублёра! А где его взять?!

Стали искать. Дублёры случались, конечно, но какие-то дикие. Один похож, но пугливый, сказал: «Не лягу, и всё! У меня на нервной почве скапливаются газы, а выходят с шумом». У другого Ленина оказалось росту метр девяносто восемь, впопыхах не придали значения. Обратили внимание, лишь когда везли в Москву, а пассажиры ругались, спотыкаясь об торчащие из купе две огромные ноги 47-го размера в украинских чунях! Бомжа в Ярославле отловили – вылитый Ленин, но так и не отмыли. Он сквозь толстый слой щёлочи и мыла так вонял дохлой рыбой, что опытные сотрудницы приводили знакомых срывать беременность, – тогда каждый зарабатывал как мог. И так далее. А сверху между тем интересуются: когда смотреть?! Наконец, звонят из Новгорода: тут шлифовщик Семёнов всем вам подходит, только лысина плюгавая. Ничего, подбрили, положили в гроб. Похож! Ура, товарищи, спасибо всем! Но этот Семёнов подсунул большую свинью. Дело было в пятницу к вечеру, смотрины для начальства новому Ленину решили сделать в понедельник. Разъехались. Семёнов бесстрашно обжился в помещении, потом заскучал без табака, пошёл за привычными приключениями и заплутал в кремлёвских катакомбах. Кинулись утром в понедельник: гроб есть, знамёна на месте – Семёнова нет! Давай спрашивать опытных, где его тут можно искать? Опытные сказали, нигде! рассказав неопытным

рассказ о том, как когда ремонтировали Мавзолей, инженер вот так пошёл вниз и вернулся только через 11 лет, женатый на гречке, в смысле гречанке. А как он пересёк столько границ под землёй, не знали и сами опытные.

А время меж тем подпирало, уже погоны начали трещать на ответственных плечах, когда один майор вспомнил про Алика. Алик, конечно, для начала покобенился, но его быстро урезонили; в той организации и не таких урезонивали – навык сохранился. Короче, положили его на место, укрыли кумачом. Открыл Алик глаз, видит, на него уставились люди в белых халатах, открыл второй – смотрят люди в громадных фуражках. Закрыл оба, слышит, ему велят не дышать, сколько может. Замерили. Спросили у Главного по встречам: «Уложите с прощанием?» «Уложимся, – сказал Главный, с любовью глядя на лежачего Алика, – только он у вас сильно красивый! Вот если бы его как-то не то, что придушить, а как-то временно...» Тут Главный пошевелил пальцами, как бы показывая степень Аликовой нейтрализации: не совсем, конечно, но и тем не менее!.. Глядя на его пальцы, Алик сильно пожалел, что не похож на тётю Броху, свою тощую и сволочную гротескную, но ему подмазали белым нос и брови и снова велели не дышать. «Другое дело, – сказал Главный и резюмировал: – Этот даже лучше, только стерегите». А чего лучше, Алик так и не понял, отходя от испуга и обживаясь в саркофаге, как царевна-лебедь в хрустальном гробу с лысиной.

Глава 5

Но вернёмся к пирующим Полещуку и Туркене.

При виде ожившего Ленина, уже отчасти свесившего ногу из гроба, как ветхозаветный Вий, они, конечно, тут же ослабили духом, то есть чуть не наложили в военные штаны. От позора и разрыва внутренностей их спасли близкий дембель, молодой организм и мамина настойка. А креститься их в полку не учили. Минут через пять они сидели вокруг закуски уже втроём, освободив вождю старшее место. Когда Алик раскрыл, что он не настоящий Ленин, а подложный, Полещук с Туркенеи недоверчиво повеселели. Окончательно они ожили, когда Алик дал себя ощупать, а сам рассказал анекдот про Ленина и козла в Разливе. Но всё равно молодой Туркенея упорно называл его «товарищ Ленин», а Полещук время от времени толкал Алика в грудь и нелогично кричал: «Ну как живой!» Пока Алик после очередного толчка не свалился с бордюра, задрав кверху короткие ноги.

Ржали. Алик громче всех.

А что ж ему не радоваться, чего ж не веселиться, если его поместили в эту гулкую могилу и бросили. Делегация, ради которой это всё затеяли, всё не прибывала: там усмиряли попытку переворота, потом у них был государственный оползень, потом кто-то тоже умер. Алик всё это время дежурил у своего сосуда, как Державин у гробового входа, оде-

тый в парадное, готовый по тревоге нырнуть и не дышать. Наружу его не выпускали, сырел в полумраке; уже не знал, что сейчас на поверхности – день или ночь. Пару раз покидал пост, пока не заблудился в катакомбах, но его отловили на самом краю и сильно пригрозили. Наконец сказали: «Ложись и вживайся в роль, Станиславский, завтра приедут!» Алик радостно забрался на своё ложе, пошевелил лопатками, разравнивая спиной что-то твёрдое, и давай вживаться. Лежал он и думал, что он – вождь мирового пролетариата по фамилии Гликман, а сейчас взял и случайно умер. Но умер-то он, например, для атеистов или царства животных, а для остальных он и теперь живее всех живых, можно потрогать. С этим он и задремал. Приснилось ему, что Славик-Держинский с наганом ведёт его в расход, а расход этот находится в столовой кабельного завода и похож на бочонок с рекламной перхотью; его раздевают по пояс и поясняют, что это та перхоть, которую он не сносил, пользуясь лысиной, но настал час расплаты. В чём заключался этот час, Алик не узнал, ибо проснулся от лязга металлической двери. Послышались голоса, щёлкнул и зажёгся свет. «Пришли, – подумал Алик, плотно зажмурив глаза и перестав дышать, стараясь с одной стороны придать лицу мудрое ленинское выражение, с другой – незаметно спрятать под покрывало руку с японскими часами. – Раз – два – три – четыре... двадцать один – двадцать два – двадцать три...» Воздух заканчивался, но голоса не уходили. Алик слышал в груди глухой стук, каза-

лось, все видят, как под покрывалом бьётся сердце. Он чуть-чуть приоткрыл глаза и увидел двух военных в фуражках – и больше никого. Военные занимались чем-то очень знакомым. Поняв, чем именно, Алик поднялся с места своего последнего упокоения и сказал: «Здгавствуйте, товагищи кгасноагмейцы!»

И трогательно протянул руку к стакану.

Дальше они пировали уже втроём. Ленин тоже удивлялся на мамин напиток, даже закашлялся, с характерной ленинской картавинкой:

– Откуда... где бгали?!

– Он сам с Белоруссии, – сказал Полещук, кивая на Туркению. – Брестская крепость. Они там такую самогонку гонят. Даже лучше!

– Не может быть! – воскликнул Ленин, вытирая слёзы. – Сейчас ведь указ о богббе с пьянством и самогоновагением!

– Не, – махнул рукой Туркения. – Мы в пуще гоним, в болотах. Мама писала, после указа над пущей несколько раз пролетал милицейский вертолёт и затих. У Надежды Константиновны цистерну с воздуха обстрелял.

– Котогая Надежда Константиновна? – оживился Ленин. – Кгупская?

– Нет, библиотекарка, «для детей и юношества». Они купили у ракетной части ёмкость из нержавеющейки, в смысле сменяли на двух кабанов. На весь район хвастались. А дедушка Михась их предупреждал, что нержавеющейка будет на солнце

давать отражение. Мама пишет, насчитали шестнадцать дырок от пулемёта! Теперь хоть выбрасывай.

– А у дедушки какая ёмкость? – невнимательно поинтересовался Ленин, любовно закусывая салом.

– У нас обыкновенная, – пожал плечами Туркенья. – Железнодорожная.

– Гвозди бы делать из этих людей, – прочувствованно сказал Ленин, вытирая жирные пальцы о казённые штаны. – Или обои!

– Товарищ Ленин, а перестройка победит? – поинтересовался Полещук, имея в виду свой интерес.

– Я скажу тост, – бодро сказал Ленин. – Наливай!

Но тут выяснилось, что наливать-то нечего, – не предвиделся третий.

Вжившийся в роль Алик-Ленин поднялся и сказал словами из «Да Ленин всех вас передушит!»:

– Дгузья, для коммуниста нет пеггад!

С этими вещими словами он вышел и вернулся с початой банкой спирта. Оказывается, за неделю он таки освоился в подземелье и подружился с лаборантами, которые обслуживали настоящего Ленина. А сегодня там кто-то незнакомый уединился с молодой лаборанткой. И пока они, увидав живого Ильича, застёгивались и приходили в себя, он прокричал им: «Вегной догогой идёте, товагищи!» – и по-большевистски экспроприировал стоящую на столе банку со спиртом. Эту сагу он рассказывал, высвобождая из карманов рекви-

зированной закуски, в частности открытую жестянку шпротов, от которых ленинский мундир тут же пришёл в полную негодность.

– Вот это я понимаю – вождь! – восхищённо сказала Полещук. – А не эти козлы на съезде!

И разлил спирт по стаканам.

– А чего он коричневый? – спросил про спирт наивный Туркения.

– Его подкгашивают гадостью, чтобы для коммуниста были пеггады! – горько сказал Алик и тут же успокоил: – Но ты не волнуйся, пока я тут – для коммуниста нет пеггад!

Выпили, закусили принесёнными шпротами. Стало совсем хорошо.

– Закурить не будет? – вспомнил Алик про наболевшее.

Ему не разрешали курить; мол, понятно, что в ленинском мавзолее не может пахнуть ладаном, не тот формат, но не может же в храме, где витает дух вождя всех революций, вонять харьковской «примой», такой страшной!

Полещук погнал Туркению наверх стрельнуть закурить. Туркения схватил карабин и выбежал в ночь.

– Мне, товарищ Ленин, – рассказывал разомлевший Полещук, – до дембеля осталось 26 дней, а ему – как до луны. Но ты, как говорится, спи спокойно, хорошая смена растёт!

Алик снял пиджак, осмотрел жирное пятно на жилете, махнул рукой – всё равно под флагом не видно. Стал рассказывать про случай с собакой на недавних гастролях в Мол-

давии, но не закончил – вернулся перспективный Туркения. Принес смятую полпачки сигарет, за ним, щурясь на свет и немного стесняясь, вошли две девушки лет за тридцать.

– Вот, товарищ сержант, – тоже стесняясь, проговорил Туркения, – сидели под ёлками, нарушали!

– А-а! – закричал одичавший без женского участия Алик. – Ходоки! Милости пошу к нашему шалашу!

Увидев живого Ленина, девушки вытаращили всё, что могли вытаращить в это время суток. Потом успокоились, особенно после спирта. Выпив, осмотрелись, старшая сказала:

– Хорошо тут у вас, а это моя сестра Валя. Правда, Валя, ты моя сестра?

– Правда, – ответила толстенькая Валя, мы – сестры, я из Можайска, Нина из Калуги.

Дальше сёстры заговорили о своей лимитной жизни, ругали какого-то Ваню Артуровича, который обещался прописать, но не прописал, а только деньги с них взял, а ключ из-под коврика убрал, выдаёт под расписку.

Вошедший в роль Алик гневался, иронично кричал:

– Вот вам и пегестгочка! Ну не козлы, я спгашиваю?!

– Вы им дайте, товарищ Ленин, – отвечали сёстры, – а то только обещают, а сами только пользуются телесно.

Пьяный Туркения слушал, неожиданно смеялся в неожиданных местах, а после и вовсе взобрался на единственное лежачее место и отключился. Лежал, свесив из чужого гроба

длинные ноги, прижав карабин к груди, как будущую дочку.

– Надо его поднимать, – сказал опытный Полещук и посмотрел на часы. – Скоро развод.

Но с места не стронулся, придавленный сидящей у него на коленях сестрой Ниной. Нина захихикала, пощечоченная в том месте, где Полещук её пощекотал.

– Туркения, – пошевелил за сапог Алик. – Вставай, скоро развод!

Туркения отрицательно помычал, потом открыл глаза. Увидев доброе ленинское лицо, он заулыбался, сказал:

– А я тебя знаю! – и оттолкнул Ленина свободной ногой.

Алик не обиделся, прикрыл его флагом, заботливо вынул карабин и потухший окурок изо рта.

– Пускай полежит, – отечески сказал он. – Солдат спит, служба идёт!

И вернулся к компании.

Глава 6

Этой самой ночью Утелене Львовне провидчески не спалось.

Во-первых, давали себя знать старые раны. Поверх старых давали себя знать новые раны, полученные недавно на митинге в защиту... «Чего мы там защищали-то?.. – горько думала Утелена, глядя в тёмную стену. – Или, может, какая-то годовщина была? Точно, годовщина! Или мыло давали, и я,

не выдержав, сцепилась с льготниками?..» Так она медленно думала, а где-то в голове как бы фоном звучали мужественные строки мужественной песни в исполнении их хора ветеранов:

*Суровые годы уходят
В борьбе за свободу страны.
За ними другие приходят,
Они будут тоже трудны.*

Да, именно трудны, ибо кроме хора слышала Утелена в бедовой своей голове собственный голос, бранящий популярного тогда экстрасенса Алана Чумака шарлатаном и хохляцкой скотиной. По его установке она честно выпила литровую банку «заряженной» у экрана телевизора воды. Заряженной, конечно, в кавычках, т. к. хоть Утелена и выпила для верности банку поверх литровой, но несколько не помолодела, как клялся этот гад, а, наоборот, чуть не опозорилась возле метро, как на грех, «Марксистская».

Короче, вращалась и брякала в голове старой большевички привычная муть, когда раздался звонок телефона, по ночному делу особенно резкий и тревожный. Звонил активист Касьянов.

– Кажется, началось! – кричал он из автомата. – Я пришёл на пост, смотрю, а вокруг Мавзолея выются две девушки, как бы что-то высматривают. Я им строго говорю: «Кого вы тут высматриваете, а?!» А они обидно так посмотрели на меня

и обидно говорят: «Ну не тебя же, дед!» И ушли под ёлки. Я сделал вывод, что это не к добру! Плюс на посту нет часовых, а сперва были!!

– Молодец, Егорушка! – немедленно взбодрилась Утелена. – Беги, поднимай наших!

Вместо старческой мути в ушах у неё зазвучали колокола громкого боя, заржали, застучали копытами быстрые кони! Поспешно одеваясь, помолодевшая Утелена вспомнила, как Мирра Борисовна говорила, что приезжают голландские учёные – специалисты по выносу тел из мавзолеев. Мол, уже вопрос решённый, и что выносить Ильича будут, естественно, ночью, внезапно и на грузовике без мигалки. Сама Утелена тогда ещё с Миркой привычно поцапалась, мол, изображай, дура, как можно, чтоб без мигалки?! Последнее почему-то оскорбило её больше всего: повезут на грузовике и без мигалки, как какого-нибудь ксендза или депутата! А вот, значит, права Мирка! Позвонила Иде Сахитовне:

– Хватит дрыхнуть, Идка! Не убережём Ильича – потомки нас самих выроют и отдадут на растерзание прессе!

С того конца слышалось странное ликование и пение: «Это есть наш последний и решительный бой!...» Наверное, там тоже не спали.

Когда примчались к Мавзолею, увидели, что на посту в самом деле никого.

– Это чтоб не было свидетелей, – доложил вынырнувший из тьмы Касьянов и прислонил голову к дверям.

Оттуда доносилось глухое пение, можно было разобрать слова: на нём защи-итна гимнастёрка, она с ума меня сведёт!

– Музыку включили, – сообщил он, – на случай, если Ильич проснётся и закричит, – чтобы заглушить крики об помощи!

Окружающие загалдели, заругались, как благим, так и ординарным матом; женщины привычно и нечленораздельно запричитали. Большая нервная толпа двинулась вперёд, как бы собираясь взять Мавзолей приступом, но не взяла, а, наоборот, отхлынула от входа и оцепенела. Ибо в этот момент дверь раздвинулась, на пороге возник сам виновник всех волнений В. И. Ульянов /Ленин/! Был он, как мы его помним и чтим: лысый, маленького любимого роста, в бородке, жилете, галстук в горошек.

– Живой! – выдохнуло собрание и оцепенело.

Увидев толпу, Алик-Ленин тоже запнулся, но тут же поленински бесстрашно сунул большие пальцы в проймы жилета, покачнулся с носков на пятки и возликовал. Ибо в нетрезвом состоянии его буквально разрывало красноречие, а тут такой случай. Он ещё раз оглядел неподвижную толпу, откашлялся, выбросил вперёд правую руку и прекрасным голосом начал свой коронный монолог из спектакля «Да Ленин всех вас передушит!».

– Бгатья молдаване, – загремел он, – в то время, как цагские сатгапы всё ту же затягивают петлю вокгуг вашей голо-

вы...

В Кишинёве, где они весной были на гастролях, возле местного драмтеатра тоже росли большие ёлки, и Алику показалось, что он снова в братской Молдавии.

– Бгатья молдаване! – прочувствованно повторил он. – В то время, как некоторые всё туже затягивают свою петлю вокруг вашего всего, цагские сатгапы не упускают случая добавлять в спигт всякую дгянь!

Задышавшие, хотя по-прежнему полумёртвые молдаване ничего не понимали, но внимали с любовью. Женщины плакали, самые отпетые, которые ждали этого момента столько лет, обнялись и не знали, умереть им сейчас или сперва сфотографироваться на память.

Пошли первые обмороки.

– Это делается только для того, – по-ленински прозорливо продолжал Алик, – чтобы для коммунистов были пеггады! Но пока я вечно живой, для коммунистов нет и не будет пеггад!!

Эти прекрасные слова он прокричал уже на ходу, вспомнив, зачем, собственно, вышел наружу. Устремляясь под ели, крикнул старику Касьянову:

– Мужчина, поднимайте молдаван на богьбу, я тут начал!

Гордый ленинским доверием, Касьянов набрал воздух, чтобы сказать, есть, поднимать на борьбу! И тут же выдохнул впусе, т. к. из недр Мавзолея появился Полешук с карабином и Туркеней на свободном плече. Туркения свисал долу,

как пляжное полотенце. Заметив убегающего Ленина, Полещук закричал:

– Владимир Ильич, ты куда, счас развод! Стой, гад, с меня спросят!

Он сбросил Туркению и устремился следом. Молдаване ожили, побежали за Полещуком с криком:

– Сатрапы! Не отдадим Ленина! Жми, Ильич, жми!!!

Оглянувшись на крик и увидев набегающую толпу, Алик, которого не раз били в разных составах, забыл про нужду и рванул через предрассветную площадь в направлении Василия Блаженного.

За ним устремилась безумная толпа, возглавляемая вооруженным Полещуком.

Глава 7, предпоследняя

Короткая летняя ночь подходила к концу. Луна закатилась, звёзды поблёкли, из кустов доносилась негромкая возня просыпающихся птиц. Разводящий сержант Асхат Бахтияров вёл сменный караул на Пост № 1.

Караул чётко печатал шаг: раз-два, раз-два!..

Дул лёгкий предрассветный ветерок, видимая часть неба на востоке явно розовела, мерный шаг часовых хорошо вкладывался в размер песни «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля». «Хорошая песня, – думал Асхат, строго прислушиваясь к привычному звуку шагов, – правильная».

Был он служакой, не рассуждал, твёрдо усвоив: воротничок должен быть белым, пуговицы – жёлтыми; кому назначено лежать – должен лежать, кто должен охранять – должен охранять и делать это в сапогах, начищенных до блеска. Это был милый его сердцу порядок, который последнее время то и дело давал трещину. Поэтому любил служивый Асхат безлюдные ночные разводы: раз-два, раз-два... Было для него в этих шагах что-то мерное и успокоительное, как сержантская колыбельная. В предрассветных сумерках верилось, что скоро всё закончится, и жизнь снова станет разумной и понятной, как строевой шаг: раз-два, раз-два!

Когда проходили через ворота башни, Асхат перестал думать и насторожился – в священную тишину ночной площади вплетался посторонний шум. И шум тот нарастал. Вывернув к Мавзолею, он увидел, что оттуда бежит большая тёмная толпа, как бы передвижной митинг. Присмотревшись, Асхат понял, что митинг кого-то отчаянно гонит. Такую картину он видел в детстве, когда всей деревенской ярмаркой гнали конокрада, поднимая злую елабужскую пыль. Когда гон приблизился, Асхат рассмотрел убегающего и понял, что откуда-то хорошо его знает и даже более того... Было в лысом человеке с бородкой что-то странно и мучительно знакомое. Асхат даже сбился с шага, а сбившись, увидел набегающего Полещука с карабином и всё понял: не устерегли, сволочи! Это был непорядок.

– Караул, за мной! – скомандовал он и бросился напере-

рез.

Увидев штыки, Алик-Ленин совсем протрезвел, вильнул и побежал к спуску.

Меж тем город оживал. Торопливо топали заступающие на ранние службы, бежала домой припозднившаяся молодёжь, зябли и бессмысленно поводили очами вытолкнутые взащей из запирающихся притонов и казино. Ранние собаки пасли на обочине четвероногих воспитанников, а те, завидев бегущую толпу, немедленно заскулили, включились в погоню, таща за собой хозяев. Прочие присоединялись сами, помня старинную примету: если все бегут, нужно бечь самому, потом узнаешь зачем; главное – не упасть. Вот уже приличных размеров толпа растянулась по набережной, огибая поливалку с водяным усом. Водитель притормозил, спросил у крайнего: «Куда бежим?!» Не получив ответа, выключил струю, побежал между двумя потревоженными, поднятыми на крыло бомжами. Возле моста к бегущим подключились какие-то отпетые стажёры, газовщики, мусорщики, ранние таксисты. С ночного радения возвращалась секта «Гербалайфа». Они шли устремлённым евростроем, глухо выкрикивая незамысловатые гербалайфовские речёвки, представляя собой как бы ячейку надвигающегося цивилизованного счастья. Заметив пробегающую толпу, передние вдруг задрожали, сбились с шага, беспомощно оглянулись на своих лидеров и – включились в общий бег. За ними бросились остальные. И вот они уже бегут, забыв про личный тоталплан, дис-

трибьюцию, инновации и другие птичьи слова. А вокруг все свои; и гены, как говорится, не задавишь ни ногтем, ни тюнингом...

А утро меж тем привычно красило стены древнего Кремля, затем прочие стены, затем леса, поля, горы и дальние огороды. Солнце поднималось всё выше, удивлённо глядя с высоты, как на грешной земле шевелится, оживает и вновь куда-то бежит целая огромная страна.

Куда обратно мчишься ты, Русь, дай ответ!

Бежит, не даёт ответа...

И вот вам результат

/маленький роман в прозе/

Запев:

*«Десять поросят пошли купаться в море.
Десять поросят резвились на просторе.
Один из них утоп —
Ему купили гроб. И вот вам результат:
Девять поросят пошли купаться в море...»*

/далее по тексту./

Дальше по тексту следует:

«...Девять поросят резвились на просторе. Один из них утоп – ему купили гроб. И вот вам результат: восемь поросят пошли купаться в море...» И т. д. вплоть до: «Один поросенок пошёл купаться в море...» и, порезвившись на том коварном просторе, обречённо затих рядом с прочими.

Самое поразительное, что каждый последующий «поросят» не учитывал опыт и судьбу предшественников! Автор полагает, если бы число поросят не ограничилось десятком, то со временем Мировой океан наполнился бы утопшими поросятами, а суша – миллионами пляжников, толкающихся по этому кладбищу с удивлённо вытянутыми лицами.

То есть чужой опыт желательно уважать.

Теперь по существу дела, которое, кстати, не имеет ника-

кого отношения к несчастным ныне покойным животным.

1

Было это, друзья, давным-давно. В самом начале сухого закона.

Можно даже посчитать когда.

А накануне весной Сашик Кутузов изобрёл Похмельительную машинку. На улице был то ли апрель, то ли просто пригрело. Радиоточка в Сашиковой квартире издавала негромкое приятное журчание. Меж сдвоенными оконными рамами вяло перебирала руками и ногами ожившая муха. Сашик Кутузов сидел за столом над ещё тёплой Похмельительной машинкой с наколотым на шлицевую отвёртку куском колбасы и думал.

Думал он непривычно долго.

Он, как водится, сначала не поверил своим рыжеватым глазам. Однако включил – работает. Выключил – затихла. Когда же на седьмой – контрольный – раз случилось то же самое, Сашик подпёр бедовую свою голову свободной рукой и вновь призадумался.

Поводов для призадумывания у Сашика было два.

Во-первых, он как раз не собирался её изобретать, машинку-то! Вот в чём фокус. Он же, Сашик, как раз хотел усовершенствовать её антипод, грубо говоря, самогонный аппарат. Поскольку эти козлы-правительство подняли цену на водку,

как перед концом света. Честный человек был вынужден выходить из магазина с вытаращенным от удивления взором. Или пить палёнку, от которой этот взор вытаращивается с той же силой, но назад больше не затаращивается. То есть, по логике этих козлов, средняя семья из четырёх лиц могла худо-бедно обеспечить горючим лишь одного пьющего. А куда, скажите, девать остальных трёх?! Например, у того же Сашика вся семья была выпивающая. Например, из всей семьи не пил только дедушка Егор Егорович, поскольку умер. В то время как остальных, например, палкой не загонишь!

Это была одна линия раздумий.

Согласно второй линии он сам собирался увеличить свою пьющую семью на одну единицу. За счёт одной Татьяны Викторовны, невнятного года рождения. Эта отнюдь не пушкинская Татьяна однажды утром глянула себе в паспорт, как в колодец, и сказала себе: «Таня, погуляла – и хватит!» И положила глаз почему-то на кроткого и молодого Сашика, имея свой не произнесённый вслух интерес. Напустив на него туман и обаяв, как это могут только женщины, которые погуляли и поняли, что розы в их ящике скоро облетят, уже начали.

Назначив дату медового месяца.

Вопрос: какая связь между эпохальным открытием и небольшими Сашиковыми резонами и диссонансами?

А вот мы дальше увидим.

Вернёмся к началу повествования и отметим следующее. Был у Сашика Кутузова, молодого технического гения, приличный самогонный аппарат, но ему неймалось. Гениям всегда неймётся, отчего вынуждены страдать остальные женщины и дети. Ими-то, гениями, вертит некая, чёрт его знает какая сила, в результате чего мы имеем то, что имеем! Да ещё ставим им памятные доски и стелы, абсурд! И вот вам результат: стоит на столе в немытой кухне Похмельительная машинка, и ничем хорошим ведь это не закончится!

Сашик, кстати, её сразу узнал. Ещё когда стал подгибать трубку бормотиметра в сторону, противоположную здравому смыслу. Гнул и думал: «Ой, не надо, ой, остановись, Сашик, не гни!» Но какого нормального изобретателя это оставляло?! Нормального изобретателя это всегда лишь раззадоривало!

На момент великого открытия у Сашика дома не было никого. Из старших, из жизненно опытных. Слегка напуганный своей дерзостью, Сашик не стал ждать возвращения отца, т. к. это возвращение могло затянуться до лета. Он поднялся, зачехлил Машинку подвернувшемся одеялом и разыскал папу на привычном месте – на ящиках во дворе универсального магазина. Выслушав Сашиков рапорт, папа посопел носом, высморкнул оттуда излишки, поочерёдно из каждой

ноздри. После этого окинул взглядом подъехавший хлебный фургон, поздоровался с чернявым водителем и сказал: «Я не удивляюсь!»

Тут нужно заметить, что папа, Василий Егорович, был крепко против Сашиковой женитьбы. Это ему принадлежат крылатые слова: «Не женись, Сашик! Не женись!» Которые позже украл автор, переформатировал, и в его произведениях можно часто встретить слова: «Говорил папа: Вовик, не женись! Не женись, Вовик!» Поэтому, кстати, хорошим людям можно эти произведения и пропустить, раз они такие!

То есть наполненные пусть и правильными, но ворованными призывами!

Так вот. Василий Егорович имел все права призывать ребёнка не делать глупостей и ошибок, которых сам наделал немерено. Примерно как старая библиотекарша в казино. А тем более он был против Сашикова мезальянса с Татьяной Викторовной. Во-первых, она была неопределённо старше Сашика, во-вторых, обидно шире в спине, в-третьих, однажды побила самого Василия Егоровича у пивного ларька, которым заведовала.

Причём как побила – унизительно!

То есть Василий Егорович однажды подошёл к ларьку решительным шагом и мужественно указал ей в окошко на участившиеся случаи недолива пива в кружки трудящихся. Молчаливо поддержанный коллективом коллег. Услышав слова сомнения в своей честности, Татьяна Викторов-

на высунула из своей амбразуры алебастровую руку, ухватила будущего тестя за грудцы, второй же рукой через то же окошко расторопно тыкала его во что подвернётся, объясняя изнутри, за что бьёт, посыльным армейским голосом.

На глазах присмирившего коллектива.

Короче, папа повспоминал, вздохнул, заплевал окурочек и спросил Сашика: «А ты уверен?!» «Да что ж я – маленький?! – разобиделся Сашик. – Похмельительную машинку не отличу, что ли?!» Сашик можно было верить. Тот же папа как-то очень давно заказал третьекласснику Саше доставалку денег из телефонного автомата, и они пользовались этой неожиданной подсобой в семейную копилку, пока автоматы не перевели с денег на подлые карточки.

«Ты вот что, – посоветовал папа, – ты её ещё проверь, погоняй на малых оборотах. Может, она тебе сгорит к чёртовой матери, я хотел сказать, может, у неё пройдёт! А я тут поспрашиваю ребят...»

На том и расстались.

В этом месте растерянному Сашикю могли бы помочь пусть не конкретные, но любящие слова старушки-матери. Но Сашикова мать-старушка уже с месяц как ушла к резервному мужу, Анатолию Михайловичу, у которого числилась запасной женой от первого брака. Опыт говорил, что вернётся она в лоно семьи не раньше, чем он её вытурит.

Такой вот завязывается в этой повести посильный драматический узел.

Вернулся Сашик домой уже по темноте и ни с чем. Посмотрел на мирно лежащее поверх Машинки одеяло, расстроился дополнительно. Хотел забыться посредством просмотра хорошей, положительного содержания телепередачи, но некстати вспомнил, что телевизора в доме нет после одного спорного случая. Тогда он полез за этажерку, достал водку, припрятанную на случай форс-мажора, пошагово выпил её всю с целью постановки решающего эксперимента. Он её выпил, слегка закусил, чтобы не давить градус, и лёг отдыхать на упомянутое одеяло.

Ночь прошла без происшествий.

Утром Сашик проснулся.

То есть он открыл очи, тяжело и долго смотрел на батарею центрального отопления, коричневую от времени и осадков внутри дома, затем встретил глазами Машинку, улыбнулся и снова впал туда, откуда с таким трудом выпал. Ибо для чистоты эксперимента он выпил вчера крепко, крепче обычно где-то в 2,7 р. А больше у него просто не было. Полтора часа спустя он вновь подвигал ногой, раскрыл вежды и полежа некоторое время, соображая, зачем он лежит на койке обутый, под головой вместо подушки этажерка. Затем вновь встретил глазами Машинку и, убедившись, что это ему больше не кажется, подошёл к ней и включил. Машинку заело.

Сашик полежал некоторое время грудью на столе, затем поплюнил палец, чем послунилось, и смазал в одном месте возле злосчастливого бормотиметра. Машинка взвыла и дала результат. Через минуту Сашик подошёл к зеркалу с ясной головой и хрустальными мыслями, осмотрел опухшую морду, вспомнил вчерашние подробности вплоть до того места, когда первый раз упал, наклонившись поднять с пола отрезок огурца. Он осмотрелся. Огурец лежал не поднятым. Сашик его достал, потёр о живот, задумчиво скушал. Затем выключил Машинку и снова задумался.

Ещё на дольше.

С одной стороны, вот же она – вековая мечта человечества! Для страны, жители которой миллионы лет мучились похмельем, это как бы волшебная палочка Ильича! Славься, Отечество, наше свободное... Но, с другой стороны, радости почему-то нет! Сашик искал в душе насчёт радости – радости там не было. А было там, как за окном, за которым закончилось вчерашнее солнце, а сегодняшнее так и не наступило. То есть было пасмурно, и толстый кот сидел на соседнем крыльце, втянув толстую голову в воротник. С этим всем внутри Сашик пошёл на своё производство, на вторую смену, пугая коллег по механическому цеху несоответствием между трезвыми мыслями и запахом жуткого перегара, с которым эти мысли выбирались из его рта. Например, когда он приводил шлифовщице Галине слова известного педагога Клим Ворошилова о том, что «пить – здоровью вредить!».

та вытирала ветошью слезящиеся от перегара глаза и торопилась якобы в туалет по небольшой женской нужде.

4

В этом месте у нормального читателя тоже может возникнуть раздражение. Всё, мол, понятно, есть изобретатель, есть его нечаянное детище; зачем автор гонит туман?! Говори, чем закончилось, – и по домам! Автор культурно говорит в ответ такому горе-читателю: «Читатель, ты куда всё время спешишь?! Привык читать на бегу всякую блевотину; уже и сам не отличишь, где заканчиваются твои мысли, а где начинается городская канализация! Не нравится – отдай чтение более умственно усидчивому!»

В конце концов.

Для остальных продолжим.

В пятницу вечером домой явился папа. Папа привёл группу экспертов. Эксперты робко окружали молчаливую Машинку, спрашивали Сашика: «А можно потрогать?» По очереди трогали Машинку кто чем, однако участвовать в испытаниях отказались категорически. Они упирали на то, что аппарат похмельительный, а кто же похмеляется на ночь глядя, только варвары! Сашиков папа, видя такое дело, недолго поколебался, затем принёс из подполья в бутылке нечто изумрудного цвета с пурпурным отливом. Предупредив, что это сусло от антенного охладителя, которое он купил у одного

прапорщика Ракетных войск и артиллерии. Поэтому специалисты рекомендуют разводить ацетоном один к семидесяти. На что эксперты открыли, понюхали, временно потеряв дар речи, а обретя этот драгоценный дар вновь, резюмировали: «Что мы – немцы, разводить?!» Спустя положенное время вся группа живописно лежала вокруг стола в отключке, немного перед этим порассуждав, из чего гонят водку волжские болгары, и не допев песню «Зачем, мама, влюбляться, зачем, мама, любить?..».

Утром они тяжело поднялись, обступили стол, страшно похожие на старых гнутых морских коньков. Сашик включил Машинку. Затем выключил. После паузы все зашевелились и молча направились к выходу, по-прежнему страшно похожие на морских коньков, всё так же гнутых, но внезапно обретших разум.

Расходились тихо, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Папа ушёл со всеми, осторожно прикрыв за собой дверь.

5

Естественно, вокруг Сашиковой квартиры образовались смутные слухи. Вследствие этого Татьяна Викторовна заперла пивной киоск, пришла к жениху, строго сказала: «Показывай, что тут намудрил!» Пока она по-женски неуклюже осматривала Машинку, Сашик докладывал ей в широкую спину детали; сообщил про экспертов, приврав, что экс-

перты в общем одобрили, высказав замечания по мелочам. «Одобрили, – передразнила его невеста. – Пьянчуги!» Она восьмым женским чувством понимала, что Машинка эта вредная, что с её появлением привычный мир изменится и понесётся по кочкам. И лично ей станет плохо. Поэтому она технически неумело обзывала Машинку железной дрянью, легко отметая робкие Сашиковы возражения. В конце сказала, что приведёт настоящего эксперта, «раз ты меня не любишь». При этом она гневно хлопнула парадной дверью.

И привела в среду немолодую женщину неразборчивого пола с синяком на лбу. Уважительно называя приведённую Леонидовной. Леонидовна была женщина-легенда. Она тоже торговала пивом. Она торговала пивом на городской площади из жёлтой бочки на резиновом ходу и была как бы сад-гуру Татьяны Викторовны. По периметру площади располагались два небольших предприятия, парикмахерская, БУТ, эстрадно-цирковой техникум. Студенты техникума устраивали у бочки ежедневные маёвки, уважительно пропуская вперёд членов педагогического совета. Они с работягами и бутовцами облепливали бочку, словно хлопотливые пчёлки ёмкость с нектаром; топтались, жужжали, выпадали из гущи с полными бокалами, садились тут же на казахские корточ-ки, вдумчиво беседовали; употребив, возвращались к бочке. Тогда из гущи слышались возгласы: «Куда без очереди, дядя?!» Это был как бы пароль с ответом: «Чего я без очереди, мне повторить!» Время от времени, перекрывая общий

зуд, слышался сильный голос Леонидовны: «Эй, потребители, гоните пустые бокалы взад!» Короче, среди привычного мирового хаоса была некоторая гармония с центром в виде жёлтой полуцистерны, во главе с Леонидовной, строгой, ой, строгой! Но – справедливой! Всё здесь было правильно и хорошо; глядя на бочку, хотелось трудиться и продолжать жить.

Правда, время от времени гармония нарушалась, жизнь в недоумении замирала. Это случалось, когда по какой-то причине пиво не подвозили. Тогда мироздание давало ощутительную трещину, народ красноречиво безмолвствовал, холостая бочка стояла как бы с горько поднятыми бровями. В эту тяжкую годину народной скорби Леонидовна не ругалась, не бегала, не стучала, не звонила, – она вешала на бочку замок, говорила «я счас!» и шла в райком партии в чём была – в своём бывшем белом халате. Она вваливалась в высокий кабинет мимо переполоханной секретарши и в лоб спрашивала заседающих: «Чем народ похмелять будем, коммунисты называется?!» И, показывая пальцем на портрет с грудастым Карлом Марксом, приговаривала: «Не думал, не гадал наш дорогой Ильич, что у него будут такие внучата!»

В результате через час-полтора на площади стояла свежая ёмкость с пивом, даже если её приходилось везти самолётом и из соседней республики.

Да, были люди в наше время!

Леонидовна пришла в Сашиковы пенаты в производственной шубейке поверх халата, хозяйски осмотрела Сашика, потом комнату, в мебельной обстановке которой преобладал строгий минимализм, потом Машинку. Снова посмотрела на худощавого Сашика, сказала осуждающе: «Учат их в школе, учат чему попало, а главному, получается, не учат!» Выслушав его сбивчивую речь насчёт Машинки, покачала мудрой головой, но на эксперимент согласилась. Татьяна Викторовна на правах будущей хозяйки уважительно налила ей стакан водки, предложив бутерброд с самодельной котлетой. «Баловство это», – сказала Леонидовна про бутерброд. Она аккуратно опрокинула стакан, затем ещё полтора. Потом поделилась слухами, что водку вроде собираются совсем запретить, уже вроде уже есть тайное Постановление, и сама же слухи отвергла, горько заметив: «Ничего, сколько её, голубку, не запрещают, а она только крепчает!» Закончив вторую экспериментальную бутылку, Леонидовна задумчиво спела «Заинька, попляши, серенький, попляши» – вспомнила послевоенное детство. Потом вспомнила мужа, который не утонул на Байкале, а погиб в комсомольской пьяной драке. Кратко поплакав, она посморкалась в полу халата, трезво велела: «Пора!» Когда Машинка затихла, Леонидовна с удивлением посмотрелась в большое зеркало, послуни-

ла руку и потёрла лоб, пытаясь стереть синяк. Получив отрицательный результат, поправила сбившуюся кофту под халатом, поднесла к носу пустую бутылку, удивлённо сказала: «Ну, нормальная водка!»

Ушла, запнувшись о двери. Было заметно, что она уже старая.

– Побей, Татьяна, пока не расплодилось, – учила она подшефную, сидя в бутовской столовой. – Своей рукой возьми и побей! Мы работаем на пиве, мы – спасители народа! Мы, если хочешь знать, первый МЧС, и народ нас ценит как родных. А это же машина, железо: тут похмеляет, а с тыла на лёгкие воздействует, душу губит... Если они расплодятся, тогда пиво куда? Бочку мою светлую куда? Под откос!! А куда ты пойдёшь, на панель? Учти, будешь там стоять, как «главпочта до востребования»! А ты ведь не привыкла, ты в киоске своём царица: хочу не доливаю, хочу милую! Уничтожь, народ тебе спасибо скажет. Я первая.

Закончив этот текст, Леонидовна отодвинула тарелку с нетронутым гарниром, пошла на пост, бормоча: «Правильно говорил Будда: жизнь – это горящий лес. Никогда не знаешь, откуда на тебя свалится!» Эту мудрость она часто слышала в исполнении одного постоянного клиента, тоже бутовца, и сама, кстати, в школе была отличницей, победительницей олимпиад. Но вот и на неё откуда-то неожиданно свалилось и раскатало по родимым пригоркам.

Будду-то ещё никто не опроверг.

Конечно, Татьяна Викторовна буквально набросилась на Сашика с припевом: «Или я, или сломай эту гадость!» Но Сашик разобиделся за своё детище, даже робко пошёл на принцип и стоял на своём, как против ветра. Татьяна Викторовна закрывала точку, вешала табличку «Пива нет», хотя пиво как раз было, и ходила на переговоры как на работу. Получая от Леонидовны свежие инструкции.

Нет, и всё!

Непонятно, с какого дива кроткому Сашикуну попала вожжа под хвост. Татьяна Викторовна меняла кнут на пряник, затем пряник на кнут, затем путалась, мотая над головой пряником, как Давид пращой; хлопала дверями, грозила какими-то невнятными карами. В конце неумело всплакнула и снова хлопнула дверь.

Теперь уже окончательно.

Папа Василий Егорович впервые солидаризировался с будущей невесткой, хотя при её появлении прятался в чулане.

– Ушла? – глухо спрашивал папа из своего убежища. – Я тебе говорю, побей, лучше будет! Хочешь, я побью, вот тут гвоздодёр лежит!

– Не буду я её побивать, зачем тогда делал, не скажешь?! Может, я хочу её усовершенствовать, уже знаю как.

– Был бы дома Толик, – вздыхал папа, – он бы тебя сразу

поставил на вид.

Толик был старшим Сашиковым братом. Нрав имел отрывистый, неугомонный. Имел мечту разбогатеть и свалить за бугор. Он и впрямь однажды кратко разбогател, но свалил не за бугор, а в тюрьму, откуда слал редкие письма с замысловатым обратным адресом.

– Не по-нашему это как-то, – слабохарактерно убеждал папа. – Не по-русски. Смеяться будут...

А кто будет смеяться, не уточнял.

8

В результате натиска противных сил у Сашика развилось непривычное уважение к себе и к своему детищу. Он даже несколько раз смотрелся в зеркало и делал лицом разные фигуры, пытаясь придать себе орлиный профиль, потом, правда, плюнул. А Машинка неожиданно зажила востребованной жизнью. Приходили соседи, сперва так, потом с целью; хихикали, подталкивали друг друга – стеснялись чего-то, а чего, спрашивается? Отходили трезвые, слегка испуганные. Приходили их жёны, украдкой жали Сашикову руку, оставляли банки с домашней консервацией. Потом стали приходиться знакомые тех соседей, потом полужнакомые, потом ремонтники лифтов, сантехники, медработники после ночи дежурства на скорой.

Прослышав про такое, вне графика вернулась Мила

Адольфовна – мать и супруга. Она вернулась посмотреть, чем всё закончится, может, и хорошим. Сначала, правда, она подумала, что поторопилась, заглянув в пищевые кастрюли и на полки холодильника, где коротали время порожние коробки и жестянки из-под прошлой еды. Погремев холодным железом, она было заторопилась вон, но тут в дверь позвонили и анонимно поставили две банки с прошлогодними огурцами.

Дальше пошло дело в этом смысле веселей, примерно как по маслу.

Окончательно слава за Машинкой закрепилась после одного случая. Как и у любого нового дела, у неё тут же возникли враги и недоброжелатели. Например, известные философы-бутовцы. Те оставались верными присяге, которую дали Леонидовне и её Бочке, громко настаивая на проверенных веками способах реанимации силами природы, то есть бочковым пивом. Для подтверждения примата природы над машиной они откуда-то, чуть ли не из-под городского крематория, доставили дядю Цезаря. Дядя Цезарь от пожизненного употребления всего, что горит, стал цвета древнеримской бронзы, покрытой зеленоватой патиной. А сначала его называли как-то по-другому, это когда он ещё был цвета пионерского галстука. Сухощавого дядю Цезаря с уважением подвели к Машинке, о чём-то ему рассказали, похлопали по тонкому плечу, включили. Машинка завелась, взвыла и тут же запнулась. Натуропаты, поставившие на дядю Цезаря, ра-

достно переглянулись, показав за его спиной большой палец, мол, знай наших! Их противники с надеждой посмотрели на Сашика. Сашик нахмурился, чего-то пошевелил возле маятника – Машинка вновь тронулась, но с натугой, без улыбки. Натуропаты поскущнели, затем и вовсе загрустили, ибо в финале дядю Цезаря разбили паралич и столбняк одновременно, чего мировая медицина не наблюдала никогда. В конце сеанса дядя Цезарь обвёл присутствующих неузнающим взглядом, сказал: «Никому нельзя верить», – и умер, не приходя в сознание.

Когда его выносили, из кармана одежды что-то выпало и откатилось.

9

После памятного турнира Машинка, по словам Сашика, надорвалась и слегка повредилась в уме. А сделать такую же новую пока не получалось. Он было ещё раньше по горячим следам сделал Машинку второго поколения, гораздо более мощную, но вскоре разобрал на цацки. Ибо она простреливала клиента буквально насквозь, после чего он не просто трезвел – он бросал пить, курить, начинал нешаблонно мыслить. Горше того – он начинал говорить правду, причём невзирая на лица! Получив назад супруга с таким букетом, жёны уже не несли Сашикку пирожки и консервы, а, наоборот искали побить этот аппарат, желательно на его голове.

И дважды им это почти удалось. Помешала женская неопытность.

События сгустила Татьяна Викторовна. Однажды она поделилась новостями с хахалем Мишей, с которым коротала время перед будущим замужеством. Миша внимательно выслушал её критику, попросил подробности. Выслушав, кратко резюмировал: «Дура!» И пояснил: «Сашику твоему за это изобретение премия полагается, поняла?!» «Какая ещё премия?» – смутно отозвалась Татьяна Викторовна, пряча голую ногу под одеяло. «Нобелевская, дура, – пояснил Миша. – И не ниже! Ты знаешь, сколько за Нобелевскую премию дают бабок? Не знаешь? А что ты тогда знаешь?! Ты вот что, беги мирись с ним, пока его более умная не прибрала. И береги аппарат, как талию. У меня знакомый шофер возит в министерстве какого-то зама. Я поговорю, чтоб отослали заявку в Америку насчёт премии. А он её получит, помяни моё слово! А как получит, пусть сразу перепишет на тебя, придумай как».

Так объяснял Миша возлюбленной, заимев какой-то свой негативный интерес.

Поняв всемирным женским чутьём, что тут чем-то пахнет, Татьяна Викторовна вернулась на Сашикову грудь и даже начала готовить ему котлеты. Хвалила его и Машинку, говорила, что ошибалась, и только в разлуке заметила, какая это нужная людям Машинка: «Ты береги её, Александр!» Сашик рассеянно кушал принесённые котлеты и молчал. Де-

журя возле Машинки, он месяцами ходил непрерывно трезвый, поэтому тоже слегка повредился. Начал говорить церковнославянскими оборотами, призывал к любви, прощению обид и переходить улицу только на зелёный свет светофора, игнорируя остальные. На работе его осторожно приводили в пример. Доводчица Лидочка, от которой Сашик в своё время отказался под могучим давлением Т. В., ему давно простила всё и наперёд, сказала старшей сестре: «Я буду за него бороться!» «Давай, – сказала битая мужьями сестра, – дуй!»

Короче, что-то назревало.

И назрело.

10

Однажды в квартиру к Кутузовым занесло нового участкового, Михно Н. Б. Это был мужчина в круглой фуражке, сильно похожий на кота в сапогах. Уточним: в больших сапогах, как на кота – огромных! Участковый как раз знакомился с участком, то есть обходил дома, состоявшие на сомнительном учёте. И его, естественно, занесло по Кутузовскому адресу. Осмотревшись и не найдя входного коврика, он вытер ноги о соседский, спросил: «Кутузов В. Е. здесь проживает?», зная, что здесь. Выслушав неуверенный доклад жены и мамы Милы Адольфовны об отсутствующих, он рассеянно посмотрел в бумаги и рассеянно спросил: «Ну, рассказывай-

те, Кутузова М. А., как думаете жить дальше?» Мила Адольфовна уже приготовилась отрапортовать формулой насчёт скорого устройства на любимую работу и об купить подержанный пылесос, но тут Михно, ища стул с целыми ножками, натолкнулся взглядом на Машинку. Натолкнувшись, он раскрыл малахитовые милицейские уста и промолвил: «Ага, самогонный аппарат, я так и знал!» И, не вдаваясь в подробности, грохнул гениальной Машинкой об пол и походил сверху упомянутыми выше сапогами, р. 46/48. Присовокупив из газеты: «во исполнение Указа об усилении борьбы с пьянством, алкоголизмом и самогоноварением от 16 мая сего года».

Оказывается, в пылу событий вокруг Машинки народ пропустил этот хрустальный Указ мимо сознания.

Вот до чего доводят человеческие страсти!

Эпилог

А в жизни огромной страны началась Новая трезвая эра.

Плывут пароходы – смерть пьянству!

Гудят паровозы – смерть алкоголизму!

Летят самолёты – смерть самогоноварению!

Идут пионеры – смерть слабой успеваемости в результате пьянства, алкоголизма и неумелого обращения со спичками. То есть того же самогоноварения!

Страшно!

В результате народный Сашик собрал самогонный аппарат пятого поколения, взявший от природы всё лучшее. То есть работающий практически на кухонной углекислоте, как герань. Потом специалисты назвали это высокими технологиями и начали доить кроткое государство с помощью научной мысли.

А всё наносное, налипшее, ненужное как-то само отпало или растворилось. В результате чего сегодня мы имеем то, что имеем.

Тут и сказке конец.

– А при чём тут упомянутые сперва поросята? – спросит автора хороший читатель.¹

– Чёрт его знает, – отвечает автор. – Разогнался написать наше, положительное, хотя бы смешное, а полезло непонятно что!

А остановиться уже не смог.

¹ Хороший читатель – то есть человек, дочитавший это дело до конца.

Скульптор Николай и его детище

В Киеве есть такое явление природы, называется Бабий Яр.

Это гигантский овраг, спускающийся вниз, к Подолу.

То есть к Днепру.

Овраг тот славен и известен миру двумя событиями. В войну здесь убили огромное количество евреев. После войны, аккурат через двадцать лет, в 1961 году из Бабьего Яра сошёл селевой поток. Он сошёл вниз на Подол, вернее, на его преддверие Куренёвку. И утопил тысячи людей – в грязи.

Такое вот гробовое природное образование.

Оба события потихоньку забываются, всё забывается. Конечно, сначала помнили, говорили: «никогда не забудем» или «навечно сохранятся в наших сердцах». Всегда так говорят, после вспоминают лишь на круглые даты. Например, про сход лавины автор помнит лишь потому, что сам был в нём участником, но проскочил. А тысячи не проскочили, в понедельник 13 числа. Сегодня от тех жутковатых подробностей осталась в памяти лишь народная песенка, положенная на мотив невероятно популярной тогда итальянской «Марины»:

*На Куренёвку двинулась лавина,
Она снесла четыре магазина...*

И дальше весело, в бодрых оптимистических ритмах рассказывается, что ещё учудила эта нехорошая лавина.

В общем, «чуваки не унывают – рок на палубе ломают!».

Что касается первого события, то оно увековечено в памятнике. Этот огромный памятник стоит в самом начале Бабьего Яра, сам чёрного цвета и довольно ужасный. Впрочем, как и событие, ради которого он поставлен. Про памятник этот рассказывают нехорошее. Говорят, что все, кто работал над его созданием, закончили плохо. Автор не берётся утверждать насчёт всех, но лично и хорошо знал одного скульптора, который рассказывал автору, с каким жутким трудом им далось это громадное тяжкое произведение, хотелось сказать «произведение искусства», да как-то не проворачивается. Что касается того скульптора, то было заметно, что лично в нём что-то как бы растрескалось, в результате чего он однажды взял и повесился. Причём со второй попытки, с интервалом в три месяца.

То есть шёл к этому очень целеустремлённо.

Его звали Виктором.

Это было вступление, хоть, допустим, и грустноватое.

Дальше будет тоже про скульптора, но повеселей. Его звали Николаем, сокращённо – Коля. А фамилия ему была Олейник. Он был сыном своего папы, тоже Олейника и тоже скульптора. Папа был большой, широкой души. Поэтому в большой его мастерской на улице Пушкинской всегда тол-

кался народ. Иногда, по рассказам очевидцев, папа брал в руку бутылку, говорил: «Спорим?!» Кто-то из неопытных обязательно попадался, кричал: «Спорим!» Спорили обычно на ящик водки, минимальная ставка. И вот, оговорив предмет спора и размер ставок, папа-Олейник раздавливал рукой бутылку, получал взамен ящик нетронутых – и тут начиналось пиршество искусства.

Да! Были люди в наше время!

Коля рос в такой незабываемой атмосфере, но от папы взял лишь талант. Ибо достигнув возраста, в котором Олейник-папа показывал свой богатырский аттракцион, Коля был худым, каким-то изношенным, имел кучу болячек, поскольку ваятель – профессия вредная, кто бы что ни говорил. Единственно, что у него было целым, – это упомянутый талант, и лицо у него было хорошее. И памятники выходили из-под его резца тоже хорошие, честные. Можно посмотреть хоть его Памятник афганцам – в скверике возле Киево-Печерской лавры. Посмотреть и заплакать. Его работы стоят в Киеве и по остальной бывшей Украине, за которые его одни хвалили, другие хотели убить. Ибо Коля Олейник был настоящим скульптором, а значительный памятник – вещь, как правило, политическая.

Особенно когда половина нации чокнулась.

И вот обещанное более весёлое.

Автору буквально посчастливилось быть знакомым с этим замечательным человеком. Конечно, в процессе знакомства

Коля рассказывал всякие интересные истории из своей профессии. Хотя неопытные удивятся: что может быть интересного у скульпторов, это же, извините, не автогонщики и даже не конокрады? Но автор настаивает, что везде есть интересное, просто надо любить слушать больше, чем говорить.

А это трудно.

Кстати, автор именно от Коли узнал то ли притчу, то ли анекдот про памятник Ленину. У Черчилля отличительным признаком была сигара, хотя он изваян в виде перекошенного инвалида с палкой. У Феликса Дзержинского такой сигарой была чудовищно длинная шинель, ниже уровня моря. У Ленина была кепка. Конечно, Ленина ваяли много и по-разному. Бывало, что и неглиже. То есть неубедительно лысого, в виде школьного учителя в пиджаке, галстук. Но. Если нужно было придать Ильичу энергию движения, устремлённость в прекрасное, но опасное будущее, его ваяли с кепкой. Если кепка была в руке, было понятно, что он только что по-народному сдёрнул её с головы со словами: «Пропадай моя телега – вперёд, к победе коммунизма!» Если же кепка сидела поверх головы, значит, ещё минута – сдёрнет Ильич кепку с головы и призовет прихожан из студентов сброситься на постройку революционной «Авроры», громко поя Интернационал!» То есть это был не просто головной убор, это был символ, фетиш, знамя и оберег в одной руке.

Да. И вот, рассказывают, какому-то городу срочно понадобился более новый памятник Ленину. И более крупный.

Город-то разросся, а старый памятник был похож на лысое дитя с протянутой рукой, как бы для подаяния. Заказали памятник чуть ли не в Москве, сказали скульптору: надо, чтобы Ильич как бы стоит, а сам как бы устремляется и вот-вот шагнёт в будущее, прямо с постамента! Скульптор понял, что без кепки никак, и изобразил вождя с развевающимися полами пальто, кепка в вытянутой руке, рот широко приоткрыт. Ильич как бы первым устремился вперёд с криком «держи вора!».

В смысле «смерть капиталу!».

Памятник заказчику понравился. Хоть скульптор и затянул работу до последнего. То есть послезавтра открытие, а с кого сдёргивать белое покрывало? Плюс скульптор то ли заболел, то ли запил, они ведь тоже люди. Короче, привезли ящик с дорогим содержимым, распаковали; всё на месте, всё целое. Вдруг кто-то из молодых говорит: «Товарищи, у нас по плану Ленин с кепкой, а тут – ноль!» Кинулись в чертежи – действительно! Смерть. И тогда пригласили местного сикейроса, сказали: «Михаил, к завтрашнему дню должна быть на голове кепка: людей, денег, патронов не жалеть!»

И работа закипела. Раньше, кстати, могли работать и одновременно кипеть, изумляя иностранных коллег.

Короче, завтра днём праздник. Центр города украшен и как новый. Посредине памятник, памятник скрыт от нескромных глаз белым полотнищем. Самого Ильича затащили на постамент краном и ночью; штыри, цемент, всё как

положено, что-то, конечно, торчит, но хрен с ним, успели! И вот речи, музыка, «ура!» собравшихся. Полотнище, которое, как правило, цепляется за все выступы, сегодня медленно, но верно, по-большевистски сползает вниз. Начальство облегченно выдыхает: стоит Ильич! Стал на века, как на вахту. В прекрасном пальто, отличных ботинках, молодец скульптор, постарался! На голове вождя замечательная кепка. Другая кепка у него в руке, и он указывает вперед – к победе коммунизма.

Занавес.

Было ли такое или это эхо народной фантазии – наука молчит. Впрочем, жизнь при напрасно забытой советской власти была столь изобретательна на события, а Лениных валяли так часто, что такой эффект вполне допустим.

И вот Коля.

Когда на бывшую страну навалилась демократия, все стали добывать деньги чем попадая. Лично Коля бросил эпическую номенклатуру, давай валять памятники убитым бандитам. В мраморе, бронзе, граните на кладбище. Заработок был конкретный и, главное, стабильный. Но были нюансы. Тогда такое было время – иногда нюансы брали и прижимали вашу звонкую песню лицом к асфальту.

И вот про такой нюанс в монументальном искусстве.

Как-то в Колину мастерскую пришли бойцы и соратники свежеебитого брата. Как правило, они приходили скромно, без стрельбы, осматривали белые гипсовые головы, руки,

торсы, заготовки. Сами с такими же торсами, с толстыми запорожскими шеями, в знаменитых тогда спортивных штанах «адидас». В мастерской сразу становилось тесно и неприятно от жутких затылков. Тему задавал старший:

– Ты, что ли, этот... который памятники делает?

– Я. Скульптор.

– Это ты, значит, царице памятник слепил?

Коля осторожно:

– А что?

– Я говорю, можешь. У нас братана убили, суки, но мы отомстим.

– Нужен тоже памятник, нашему Толяну!

– Понятно. Какой бы вы хотели?

– Ну, на кладбище, какой!

– Понятно. В каком виде? Погребальная урна, склонённые ангелы, увядший дуб, ростовая скульптура, бюст, барельеф, стела...

– Подожди! Во-первых, при чём тут урна?! Или дуб! Думай, что говоришь!.. Какой мы хотим, братаны?!

Тут, говорит Коля, начинался худсовет.

Например, кто-то хотел, чтобы памятник блестел, чтоб как из золота. Чтоб все издалека жмурились, никаких бабок не жалко. Согласились, что Толян должен быть в бронзе, и нанять людей, чтоб начищали. Но кто-то вспомнил, когда был в Париже, в смысле в этой, как её, блин... о, в Италии! – так там памятники стоят явно тоже железные, но аж зелёные

– такие старые.

– Так что?

– Так то, блин! Если блестит – сразу видно: новодел. Лучше, чтоб зелёное. Пускай думают, что наш Толян давно лежит; что он тут самый крутой!

После такой заявки заказчики долго и глухо гуркотали меж собой, постановили:

– Да! Слышь, художник, сделай Толяну памятник, чтоб как старый, но чтоб далеко видать! Бабки – какие скажешь.

Договорились. Дальше начался разговор о главном, о деталях.

– Смотри сюда, – сказал старший Коле, – сделай, я сейчас нарисую как... Не рисуется, блять!.. Короче, вот это будет типа Толян, а это типа его любимый «лендровер»... Ну, ты разберёшь. Вот так они стоят, вроде он сейчас сядет и уедет от нас. Насовсем, блять!

Старший всхлипнул, при этом изобразил на ватмане огурец с одним глазом, сбоку – сломанную овощную тележку, вокруг много хреновин, вроде пиявок, только стоячих.

– А это что? – осторожно спросил Коля.

– Ну, люди, блять, пришли посмотреть на Толяна! Родные и близкие.

Худсовет нашёл предложение достойным внимания.

– Правильно! Главное, чтоб передние номера видать. Его номера вся ментовка знала! Под козырёк брали!

– И крест!

– Нет, братаны, машина – уже было!

– У кого это было?!

– У Юди. Я видел. Вот так его «мерс», а так – Юдя по пояс. Очень трогательно, блин!

– Я прослушал, Юдю грохнули?!

– Юдю! Матрос памятник видел!

– Матрос, какой ещё памятник?!

– В Саратове. Вот так «мерс», вот так – Юдя с какой-то бабой, на шее чепила. У бабы на животе розы, из чугуна. Как в жизни!

– Не понял, какие розы?! Мы с Юдей в субботу на стрелку ходили! Когда успели?!

– Ой, это Кудя с «мерсом», Кудя!

– Матрос!!

– Что?! Чуть что – сразу Матрос! Давайте по делу.

– Правильно. Я предлагаю сделать Толяна с крестом. Стоит Толян, как Владимир на горке, а внизу речка!

– С крестом?! Лучше сразу с церковой!

– Нет, церква уже было. У Боти Гоидзе. Ну, который из цимлянских...

– Блин, за ними не угонишься!

– Или на коне?.. На коне, по-моему, ещё не было никого!

– А если в кресле?

– Что в кресле?

– Сидит!

– На лошади?!

– При чём тут?! На лошади уже было. У Сёмы Полупана. Так его счас дразнят Получапаевым, памятник.

– Ну, допустим, с крестом. Горку сделаем, а как речку, из чего?

– Ну, из воды!

– А мне нравится, чтоб как Владимир. А вместо речки можно вечный огонь!

– Правильно, и Толян будет главней ихнего Владимира.

– Я не понял, про какого Владимира всё время базар?!

– Про киевского, дура! Короче, художник, ты слышал? Сделай сам, как понял, а мы посмотрим. Чтоб нам на сорок дней стояло.

– С зеленью!

Коля им культурно говорит:

– Насчёт старины, как вы говорите, зелени. Для такого дела нужно время.

Худсовет согласно кивает:

– Что ж мы – без понятия? Что за два дня такое не делается! Даём тебе четыре с выходными. Время пошло!

Коля тоже понимает, что если хочет ещё пожить и завершить задуманное, то лучше им не возражать. Что придётся покрутиться.

Собственно, крутиться, то есть выходить из положения, Коле было не привыкать. Тогда как раз учредили Аллею новой славы, украшенную головами новых героев, полтора десятка. Семён на тех головах неплохо захалтурил, Колин со-

перник. Назавтра четыре головы украли. Тогда металл был в большом спросе, в городах люки пропали, народ влетал в канализацию целыми семьями, кляня на лету демократию и её агтелов! А тут, значит, драгоценная бронза. Короче, на открытие должны приехать какие-то духоборы из Канады, а главных героев нет, шести штук. Ибо через неделю срезали ещё две с половиной. Короче, стоят на Аллее гранитные пеньки, а люди хотят поклониться, приложить венки, старики и старушки. Что делать? Коля придумал: за двое суток вылепил героев из гипса, покрасил бронзовкой, сам состав придумал. Успели. Правда, второпях нахомутали. На пенёк с женской надписью поставили лысого героя, а когда обнаружили, было поздно. Приехали иностранные старики, фотографировались на вечную память, промокали увядшие очи, одобрительно гуркоча по-своему, пели какую-то вышиванку дребезжащими голосами. Коля тогда грамоту получил от нового правительства, потому что денег у них не было. И на том спасибо. А дополнительные головы, может, стоят до сих пор. Радуют патриотическое око. Коля-то скульптор настоящий, Народный художник и проч.

И вот работа закончена, перед отливкой. Коля звонит заказчиком. Пришли всем худсоветом, натоптали. Коля снял покрывало с заготовки. Худсовет замолчал, потом заговорил:

– Толян, блять!..

– Похож!..

– Чего похож?! Как живой, блин!..

– И крест. С перекладиной!

Было понятно, что понравилось. У меня, говорит Коля, сразу отлегло от сердца. И от всего остального – думаю, пронесло. Но худсовет и есть худсовет, хоть советский, хоть бандитский. Обязательно находится какая-то зараза, которой нужно больше всех.

– Слышь, художник. А мы говорили с сигаретой...

– Про сигарету речи не шло.

– Так счас пошла!

– А может, без сигареты, Сухой? Толян и так как новый.

– Когда ты видел Толяна без сигареты, чушка?!

– Сухой! За чушку ответишь!

Коля говорит:

– Не ссорьтесь!

И вылепил сигарету:

– Вот сигарета.

– Блин! Как живая...

– Нужен «кемел»!

Коля сделал «кемел»:

– Вот «кемел».

– А чего дым не идёт?

Коля, после паузы:

– Ещё не прикурил. Задумался и пропустил. Вот, в правой будет зажигалка. «Зиппо».

– Нет, сделай, чтоб сразу дымилось! А зажигалку оставь,

для этого... для натуры!

Коля:

– Есть вещи, которые сделать нельзя, поймите...

– За дым – отдельные бабки! И чтоб из ноздрей. Толян любил.

Услышав про ноздри, Коля постарел, пытался отговорить. Но худсовет упёрся: раз сигарета горит, значит, чтоб из ноздрей тоже. Толян любил. Коля нарочно вылепил две струи, приставил к носу:

– Так?

Худсовет растрогался:

– О! Вот теперь совсем настоящий! Толян, брат!

– Так трогательно, блин!

– Слышь, художник, ты где так научился?!

– Ты понял, чтоб с дымом, и погуще. Правда, братаны?!

Коля, не подумав:

– Хорошо, сделаю дым... Но не обещаю.

– А ты нам пообещай! Ты и так затянул, блять!

– Да, мы тут базарим, а Толян уже месяц лежит без памятника, как рабочий и колхозница. Время пошло!

Строго так сказали и отчалили. Слышно, как во дворе захлопали тяжкие двери чёрных джипов. Сел Коля напротив своего творения, пригорюнился об этой жизни вообще и вреде курения в частности, который вред может вылезти вот таким неожиданным кандибобером! Что делать?!

Но – человек предполагает, а воз и ныне там!

Через пару дней в мастерскую нагрянули очередные клиенты. Эти были энергичные и злые, как шершни. Строго сказали: «Показывай, что можешь!» По-хозяйски осматривали мастерскую, словно желая скупить на корню. Какой-то лоб в кожаной куртке и спортивных штанах поднял полотно, скрывающее Толяна, затем опустил. Постоял, что-то соображая, снова открыл, крикнул:

– Миха, иди сюда!

Хромой Миха оторвался от Венеры, которую трогал чёрным пальцем, подошёл к памятнику. Подойдя, поменялся в чёрном лице, спросил:

– Это, падла, что?!

– Это мне заказали, – ответил Коля, поняв, что сейчас с чем-то попросается, может, и с жизнью.

– Да ты знаешь, падла, что это Толян шкловский?! Наш злейший враг!

Подошли остальные:

– Точно Толян! Вот и «кемел»!

– С крестом, блин!

– Мы его с таким трудом грохнули! Нашего Тараса из-за него завалили. Ещё трёх бойцов потеряли, а он вот! Типа – вечно живой!

– Главное, с крестом!!

– Зарыть обеих!

Видно, крепко насолил шкловский Толян пришедшим, раз они захотели немедленно расправиться с ним посмертно,

а заодно и с художником. Выручил Колю его талант. Старший Миха остановил жаждущую крови бригаду:

– Стойте, мы его ещё накажем!.. А теперь говорите: это Толян?!

– Он спрашивает, конечно, Толян!

– Красиво сделано?!

– Ну... Живой и глаза смотрят, блин!

– Так пусть этот лепила нам Тараса нашего сделает, такого же красивого, согласны?!

– Да, какой базар...

– Правильно. Смотрите: я думаю, вот так Тарас, а вот так его красный «чероки», он любил...

– Засохни. Мы про это счас побазарим.

Тут главный Миха посмотрел на Толяна, потом на белую гипсовую Венеру и резюмировал, адресуясь к Коле:

– Если хочешь, чтоб твой сарай случайно не сгорел вместе с тобой и этим козлом, ты его поломай нахрен, а сделаешь памятник нашему Тарасу, мы скажем какой!

– Миха, его наказать надо! Ты говорил, накажем!

– И накажем. А накажем, как при родной советской власти, – рублём! А за это сделаешь нам нашего дорогого Тараса без бабок, ты всё понял?!

– Понял, – ответил Коля.

Что ж тут непонятного: через неделю приедут «толяны» за своим Толяном, а его нет – убьют. Оставить Толяна, приедут «тарасы», увидят – убьют. А так – всё хорошо.

«Тарашанцы» обсудили свой памятник, отклонили «чероки», церковь, лошадь и крест. Остановились на двух скорбящих ангелах в полтора роста: они типа склонились, а посередине Тарас пьёт пиво из горла, он любил. И чтоб из бутылки была струя в рот, как в жизни! Снова услышал Коля, как во дворе захлопали двери джипов; как бы захлопали гробовые крышки, и все его.

Но не пришли ни те, ни эти. Банально поубивались на стрелке. Эти убили тех, те убили этих; остаток положили приезжие чмыри с Елабуги. Они ехали себе искать себе место под южным солнцем, а тут такой хороший город, остаёмся, братаны!

Остались.

Не пропал и Толян. Хотел осторожный Коля его развлять, но не успел. Ибо как раз завалили некоего Цыгана, как писали в газетах, «лидера Шевченковской ОПГ». Шевченковские нагло предложили объявить в стране трёхдневный траур, давали правительству большие деньги на выход из кризиса. Но правительство проявило последнюю силу воли и отклонило. Тогда «цыгане» явились к Коле насчёт памятника, чтоб все видали! Отклонили лошадь, купола и возле «феррари». Сильно хотели за столом в любимом ресторане, но Коля убедил их, что сидячего Цыгана будет плохо видно. И подсказал, как его будет хорошо видеть. Дальше было дело техники: заменил голову, вытащил из пальцев сигарету, вставил в рот, наваял перстни и тельняшку. Поставили

на кладбище. Все говорили: «Как живой!» Жена говорила, дети говорили, ещё две непосторонние женщины, или три. Братаны плакали, говорили: «Никаких бабок не жалко!»

Это называется сила искусства!

С Цыганом тоже было приключение. Когда его ещё хоронили с воинскими почестями и ротой почётного караула, ему в какую-то трёхместную, устланную коврами могилу положили могучий царь-двухкассетник с его любимой песней. «Чтоб нашему Цыгану нескучно лежать...» День и ночь почва на кладбище содрогалась, кричали и исчезали вороны, давали усадку старые памятники. Цыган любил, чтоб если музыка, так громко. Через неделю на кладбище возобновился Вечный покой – в магнитофоне сели батарейки. Примерно к тому же времени забыли и Цыгана – подвозили новых.

Но смерть его имела косвенный культурный эффект: на том краю Центрального городского кладбища напрочь вывелись собаки.

Слава героям!

«Аквахрен»

Я тут недавно по телевизору выступал. И хорошо выступал. Только в ухе немного позванивает, вроде автоответчик. Вроде там кто-то отвечает моим же голосом, извините, мол, мы не можем сейчас взять трубку и нескоро сможем!

Голос треснутый, но узнаётся легко...

А началось с того, что я взял и провернул один бизнес. Вбухал туда весь семейный бюджет и провернул. Но не в ту сторону. Домашние как узнали, что стало с нашими деньгами... Короче, я пошёл к другу, говорю: «Шурик, вот я проходил мимо, дай, думаю, зайду к тебе, попою чайку недельку-другую!...»

Главное, дома осталась ее мама, Маргарита Ивановна, слабая старушка. Всю жизнь проработала в милиции, прогрохотала. Ей сам министр вручал именные наручники, она же ему их и защёлкнула по привычке. Говорит, очень много в зале было шуток и юмора, пока ключи искали. Но не нашли...

Короче, пришёл я к Шурику. А он тоже мечется, где зарабатывать. Как раз кричит в трубку:

– Нина Константиновна! Вы меня убили! Где я вам за час достану учёного с мировым именем?!.. Сколько платят?!

Тут он слушает, сколько платят какому-то учёному, а сам начинает пристально меня рассматривать. Потом кричит:

– Ура! Вы спасены! Ко мне как раз зашёл учёный на эту

сумму, то есть для вашей телепередачи! А? Согласится?!.. Да он за такие деньги мать род... в смысле прервёт свои опыты по клонированию брюк. То есть высылайте машину!..

Тут он бросает трубку, кричит:

– Слушай, у меня как раз халтура на телевидении!

Я говорю:

– Опять?

Он кричит:

– На этот раз – верняк! Они начинают рекламную кампанию детской зубной пасты, им нужен мировой учёный для солидола! Понял?!

Я говорю:

– Что?

Шура кричит:

– Я буду детским зубным живодёром, а ты – мировое светило в области гигиены штанов, в смысле, а ну, сделай умное лицо!

Я говорю:

– Пошёл вон!

Он кричит:

– Ладно, в машине потренируемся.

Я говорю:

– Соображай! Я пришёл пересидеть у тебя, как радистка Кэт! Меня Маргарита Ивановна в телевизоре увидит, а я ещё хочу пожить!

Шура кричит:

– Во-первых, передача дневная, по 20-му каналу! А днём телевизор смотрят только... Короче, никто не смотрит! Детская передача «Как убить бабушку»... как-то по-другому... Эх! Если бы тебе ещё бороду и пенсне, я бы с них такие бабки скачал!

Короче, пригнали за нами машину. Едем. Шура меня инструктирует:

– Запомни: на телевидении такой же бардак, как и везде! Только в два раза больший!

– А вдруг я не то ляпну?

– Переляпнешь! Они смонтируют. Они что хочешь смонтируют! Хочешь, смонтируют из тебя идиота!

– Я боюсь!

– Идиот! Тебя и монтировать не надо! Я буду говорить! Я! И спрашивать у тебя: «Правда, профессор?» А ты киваешь и говоришь: «Святая правда!»

Короче, приехали. На телевидение. А там – смесь всемирного потопа с пожаром последней категории сложности. Километровые коридоры, тысячи дверей, народ чумной: выскочит из двери, вытаращит глаза – и назад в ту же дверь. А там уже закрыто!

Нас уже ведущая поджидает, подпрыгивает, как лобзик на раскалённой сковородке, кричит:

– Где учёный?!

Шура кричит:

– Вот учёный, где ему расписаться?!

Она внимательно смотрит на мои кроссовки, кричит:

– Будьте немногословны! Прямой эфир, рассчитано по секундам!

Я говорю:

– Как – прямой?!

И смотрю на этого гада.

Шура внимательно шарит в карманах белого халата, который успел нацепить.

Ведущая кричит:

– Сейчас детки дают «Красную Шапочку», потом – вы, потом – академик!

Я говорю:

– Да, я – академик! Где у вас аварийный выход?!

Она кричит:

– И не забывайте ненавязчиво показывать в камеру тубик «Акватреша»! Ждите, вас позовут!

И сгинула.

Я говорю:

– Шура, я тебя замочу!

Он кричит:

– А тебя – Маргарита Ивановна! И суд ее обратно оправдает – как находящуюся в состоянии сильного душевного волнения по поводу растраты зятем денег!

Мы сидим в каком-то помещении. Монитор показывает, что происходит в студии. Шура ходит, учит с бумажки своё соло, кричит мне:

– Учись солидно кивать, Склифосовский!

Я чувствую, как у меня начинают трястись колени, затем локти, затем снова колени, но как-то изнутри.

А в мониторе тем временем на кушетке лежит Волк под простынёй, Красная Шапочка его спрашивает:

– Бабушка, почему у тебя такие больные зубы?

Волк говорит:

– Ты хочешь спросить, внученька, Большие зубы?

Красная Шапочка смотрит туда, откуда ей подсказывают текст, говорит:

– Нет, ты – Волк! Я узнала тебя по тяжёлому запаху изо рта! Ты чистишь зубы обычной зубной пастой, а Бабушка – «Денто...», «Фрешо...»

Тут она забыла, как называется паста, ей сбоку подсказывают, Волк подсказывает, даже сюда слышно, как шипят:

– «Акватреш»!

Она растерялась совсем, и в слёзы! Тут вытолкнули Охотников, они – пиф-паф! – положили Волка мимо носилок и убежали с порожними! Волку шипят:

– Уползай! Уползай!

Волк уползает, путаясь в простыни, но ухитряясь ненавязчиво показывать тюбик «Акватреша»...

Я думаю, лучше бы я в тоннеле метро отсиделся! Нет, лучше бы меня в роддоме подменили на девочку, я бы стал Красной Шапочкой, принёс бы бабушке Маргарите пирожки с ядовитой зубной пастой и снова попросился бы в мальчи-

ки!..Тут я смотрю на монитор, а там уже сидит красная, как редиска, Ведущая, рыщет глазами и приговаривает:

– А кто, ребята, страшнее Волка? Правильно, зубной врач, который уже должен сидеть у нас в студии... А! Наверное, сейчас он рвёт гланды тупому мальчику Серёже из режиссёрской группы!

Шура у меня над ухом как крикнет:

– Это же нас! Бежим!

Ну, бежим. Двери мелькают. В какую именно? Шура кричит:

– Сюда!

Останавливается, делает вдох, раскрывает двери и входит со своим припевом:

– Каждый раз, дети, во время бритья вы подвергаете свои зубы...

В помещении сидят трое деток лет по сорок и подвергают свои зубы закуске с газеты. Лица нехорошие. Короче, нашли студию. Светло, как в кабинете дантиста наприконце света! Шура снова набирает воздух, входит со словами:

– Здравствуйте, дети! Каждый раз во время того, чем вы обычно занимаетесь...

Ведущая кричит:

– Где вы лазите?!

Шура кричит в камеру:

– Да, ребята, нам – садистам – приходится много лазить в карманы пациентов, то есть их рты, в смысле нам – данти-

стам...

Ведущая говорит:

– Сейчас идёт реклама, уже заканчивается.

Шура уточняет:

– Ага! Значит, наша паста называется «Дентохрен»...

– «Акватреш»!

– Ну да! Остальные пасты называются «обычная» и вызывают у детишек понос и простатит, так?!

Я смотрю, у Ведущей глаза становятся оловянными, она смотрит в одну точку. Шура ей говорит:

– Нина Константиновна, а может, пострашней болезнь придумать, например, падучая или... Нина Константиновна!

Тут он начинает щёлкать у неё перед носом пальцами, она шипит:

– Мы в эфире!!

Шура внимательно смотрит в камеру, затем выскакивает из кадра и снова входит со своим текстом:

– Еда, дети, это наслаждение вкусом! Но каждый раз возникает опасность возникновения катышков!..

Короче, такая картина: раскалённая от света студия, камеры, в центре за столом Шура в халате машет руками и докладывает, рядом малиновая Ведущая. Вокруг площадки какие-то люди, тут же я стою в галстукe, как смонтированный идиот, в глазах от волнения пятна, кадык поднялся вверх, я его ощущаю практически на зубах. А Шура, между прочим, чувствует себя там, как рыба в водке, кричит в камеру:

– И вот, дети, эти нехорошие бактерии с криком набрасываются на беззащитные зубы, а-а-а!! Бедные крошки-зубы жмутся по углам, но – поздно! Как говорим мы, дантисты: экзитуслеталис – моменталис!

Шура кричит, народ вокруг студии замер, женщины всхлипывают. Ведущая давит под столом Шуре на ногу, но его уже не остановить:

– Тут бы, ребята, им и кранты! Но – что это?! А это, ребята, на битву с гадкими бактериями горой встала зубная паста... паста... А ну, ребята, кто мне подскажет, как называется наша зубная паста?.. Ладно, потом вспомню... Ага, тут мне подсказывают: «Акваплешь!»... Которая вытеснила обычную зубную пасту с криком: «Не можете, козлы, не беритесь!!»

Шура уже остервенел, чувствую, попадись ему в этот момент обычная зубная паста, от неё остался бы колпачок и немного перьев. Ведущая уже буквально стоит у него на ноге своими двумя, говорит в камеру:

– А сейчас, ребята, доктор Александр Михайлович вместе со своими юными помощниками разыграют сценку «У зубного врача». Правда, доктор?

Шура кричит:

– Святая правда! Тащите сюда этих юных подельщиков!

И продолжает:

– Многие детишки думают про себя, мол, почистил зубы – и можно идти играть в бильярд! Нет, мои юные друзья!

Возьмём такую простую вещь, как тёмный налёт на костях, который появляется вследствие курения, питья кофе, неумеренного употребления алкоголя... м-да... который вам, ребяташки, естественно, ещё рано, а то вам не поможет никакая зубная паста... то есть, естественно, кроме нашей зубной пасты... как же её... название которой, надеюсь, ребята, вы не забудете до самой своей смерти!

Пока Шура на площадке в поте лица отрабатывает свои деньги, за кулисой возникает суматоха: оказывается, тупой помреж отпустил детишек, заготовленных для сценки. Ведущая тут же показывает Шуре, мол, потяни время! Сама выясняет с кем-то отношения практически телевизионным матом! Шура тянет время как умеет:

– А вот, ребята, ещё одна поучительная история из жизни зубных врачей. Возвращается новый русский дантист домой вместе со своим другом. Глядь, что такое?! На столе две рюмки, бутылка французского пепси, из спальни доносятся странные звуки! Друг заглянул в спальню, говорит: «Серёжа, там твоя жена лежит с незнакомым дантистом!...»

В это время мат за моей спиной стихает, никого не нашли. Слышу голос Ведущей:

– Пускайте академика!

Какая-то женщина, чувствую, пудрит мне мокрое лицо, кто-то выталкивает на раскалённую арену, Шура прерывается, говорит в камеру:

– Ну, ребята, чем там у них закончилось, спросите у своих

бабушек, они ещё должны помнить!

С этими словами он ловит меня в противоположном конце студии, приговаривая:

– Не туда, профессор Алексей!

И усаживает за стол со словами:

– Профессор, дети, уже старенький, ничего не соображает, в смысле устал после долгого перелёта. Правда, профессор?! Лёша, подавай признаки жизни, нам деньги платят!..

Я начинаю подавать признаки как могу. Шура продолжает:

– Сейчас, ребята, мы покажем волшебный опыт с яйцами... Лёша, не кивай головой так быстро, у детишек начнутся судороги!.. Этот опыт наглядно докажет, что зубная паста... «полиартрит»... Лёша, показывай ненавязчиво пасту!.. Да не мне, идиот!.. докажет, что наша зубная паста заткнёт пасть обычной зубной пасте, и ассистировать мне в этом будет учёный с мировым именем, доктор медицинских наук, бывший Герой Социалистического Труда два раза, поэт-академик Алексей! Итак, мы берём обычное яйцо и куриное! Где наши яйца, профессор Алексей?

Я киваю и говорю:

– Святая правда!

Шура говорит:

– Ага, ребята, яйцо-то у меня!

Тут он лезет в карман халата и делает большие глаза.

Я спрашиваю:

– Ещё кивать?

Шура достаёт руку в яичнице, говорит как ни в чём не бывало:

– Создание новой зубной пасты, дети, дело очень маркое, то есть выгодное. Правда, профессор Алексей?

Я уже было освоился, даже кадык восстановил практически на место, зато заклинило челюсть. То есть сижу, как собака на арене: всё понимаю, сказать не в силах. Шура уже давит на ногу мне и продолжает:

– Вновь созданную зубную пасту сперва испытывают на младших научных сотрудниках. Почистит сотрудник такой пастой зубы другому научному сотруднику, профессор говорит: «А ну, друзья, дыхните!..» Лёша, кивай, пока нас не выгнали!.. И вот, дыхнут сотрудники на профессора, а запах, дети, хоть святых выноси! Не годится паста! Сколько вы ставили опыты, академик Алексей?

Я говорю:

– Ногу-то отпусти!

Шура кричит:

– Да, дети! Сорок длинных дней и ночей ставили учёные свои подписи в платёжной лаборатории! Лёша, хоть пасту ненавязчиво показывай!

Я беру тюбик пасты и ненавязчиво демонстрирую людям за кулисами. Там стоят все зелёные. Шура показывает Ведущей, мол, всё в порядке, профессор окрепнет с минуты на минуту. Та показывает: тяните время! Шура начинает тя-

нуть, но с ноги не слезает:

– И вот, ребята, ставят учёные опыты первый день! Ставят опыты второй день. Ставят опыты третий день – а они не стоят! Что такое?! Где ошибка?! Правда, профессор?.. Вот, дети, учёный выразительно таращит глаза, что на языке науки значит: коню понятно! Но учёные, ребята, не растерялись, и давай ставить опыты дальше! Ставят они опыты пятый день! Шестой день! Выходные, дети, коту под хвост вместе с уик-эндом! У многих уже началась сыпь и голодные обмороки...

Я смотрю, а возле Ведущей уже появился то ли её начальник, то ли босс. Шура его тоже замечает, и давай отрабатывать деньги:

– И тут, ребята, на помощь учёным бросился академик Алексей, лауреат Пулитцеровской премии, член Нидерландского общества стоматологов-реаниматологов, Гарвардского института ночной гигиены имени реакции Вассермана и прочая, дети, и прочая, и прочая! Вот тут и произошло чудо: на стыке дантизма и педикулёза родилась новая чудо-паста... чудо-паста... Лёша, покажи хоть раз ненавязчиво пасту, скотина!..

Я ненавязчиво показываю пасту боссу. У того брови взобрались на лысину, там и остались. Шура ненавязчиво показывает ему на меня и заканчивает:

– Надеюсь, друзья, после нашей передачи все умные девочки и мальчики выбросят обычную зубную пасту к чертям собачьим, а их родители под действием авторитета академи-

ка Алексея, Президента Всемирной организации защиты ребёнка от счастливого детства, члена Королевского клуба воспитания пингвинов, постоянного участника передачи «Анонимные алкоголики за мир» и прочая, и прочая, и прочая...

Шура заканчивает свою симфонию. Я делаю глубокий вдох, чтобы сказать ему, наконец, святую правду, если спросит, и забываю выдохнуть: прямо на меня идёт Маргарита Ивановна с вытянутым перстом и словами гоголевского Вия:

– Вот он!!

Оказывается, в соседней студии снимали популярную передачу «Моя свинья», то есть «семья». А её пригласили туда в качестве консультанта-эксперта по перевоспитанию трудных зятьёв.

Вот, дети, лишний раз убеждаешься: дрянь это телевидение! Лучше и не включайте!

Женщина и «Жигули»

«Что есть слава? – спрашивал, бывало, мудрец, прислонясь к дувалу. И сам же себе отвечал: – Слава есть яркая заплатка на ветхом рубище певца! Хорошо сказал, – думал мудрец, взваливая хворост на плечи терпеливого ослика, – надо будет записать».

Взваливал и – забывал.

С тех пор мало что изменилось, разве что «заплата» сменилась «зарплатой». Но в основном слава осталась той же: изменчивой, коварной, с короткой памятью – одним словом, женщина.

Автору рассказывал один неплохой столичный артист. Как-то они приехали на гастроли в некоторый город. Не очень большой, но и не очень маленький. В общем – провинциальный. И вот вышел он, такой столичный и такой кое-где промелькнувший на экранах, – вышел днём пройтись по местной штрассе. Людей посмотреть – себя показать. Иду, говорит, солнце светит, витрины показывают, автобус поднимает провинциальную пыль, но чувствую – узнают! Взгляды так и бросают. Девушки глаза отводят! Специально в универмаг зашёл – глянут и отводят! А которые нет – те делают вид! Думаю, ах вы, милые мои! Провинциалушки дорогие! Взор она потупляет! Да, говорю себе, это тебе не столица, где нас – звёзд – хоть вилами с кучи на кучу перебрасывай.

Здесь каждая на учёте и в почёте.

Вернулся в гостиницу, культурный, взволнованный. На встречу Илюха, наш завпост. Говорю: «А ничего себе городок, можно работать!» Илюха говорит: «Да, городок хорош, но ты всё равно ширинку-то застегни!»

Вот тебе и яркая заплата!

У автора тоже была минута славы. И была она самой настоящей. Поэтому автору так и кортит про это доложить.

Было это давно.

В стране только-только начиналось будущее великое скотство, именуемое «перестройка». Нормальная жизнь стремительно катилась к финишу, перепуганный народ бежал кто куда. Увидев такое дело, организаторы и режиссёры этого цирка сказали: «Пора!» – и выдвинули проверенный лозунг «Хлеба и зрелищ!». Однако вскоре хлеб тоже стал подходить к концу, пришлось нажимать на зрелища. В массы запускали всё новые святки и праздники, дни святого Валентина и какие-то лютеранские дожинки.

Вплоть до Всемирного дня дизентерии.

В тот год пришла мода устраивать Дни города. Некто Николай, штатный организатор советских гуляний, сказал автору: «Автор, я делаю День города, выступишь?» Автор спросил: «Сколько?» Николай сказал сколько. Ударили по рукам. Согласно этому юридическому акту автор, именуемый в дальнейшем «Автор», должен был прочесть собравшимся юмористическое произведение. А Николай, именуемый

в дальнейшем «Заказчик», обязывался выплатить Автору причитающееся ему денежное вознаграждение. Кстати, такие чтения были тогда тоже в большой моде, и автор поднаторел, читая со сцены сочиняемый юмор. Имея от филармонии официальную корочку, где в графе «специальность» женским почерком старательно было вписано «писатель-сатирик». Хоть никогда сатириком не был, честно именуя себя юмористом-меланхоликом.

Выступит нужно было на стадионе.

И вот автор написал специальное произведение, полное заказанного юмора и не свойственного ему оптимизма. Прочёл жене. Понравилось. Активная жена обзвонила знакомых со словами: «В воскресенье Вова будет выступать на стадионе, смотрите мне!» Смотреть было велено в телевизор. Приехали друзья из Киева, которым было посулено незабываемое зрелище на стадионе с последующей дармовой выпивкой – сочетание в ту пору презаманчивое! Жена на это потребовала от автора десяток билетов в партере. Автор поклялся, затем засовестился и, отводя глаза, попросил у организаторов три. В результате сам еле попал на стадион и то по чужому удостоверению. Милицейскому, кстати. Такой тогда был спрос на зрелища! Ураган!

Собственно говоря, это была длинная присказка.

И вот аккурат в воскресенье к вечеру автор подъехал к стадиону с небольшим опозданием – праздник там был уже в разгаре. Спешился, отпустил трамвай и насторожился: ста-

дион опоясывало несколько слоёв милицейского оцепления. Оно бы и ничего, но каждый требовал билет или пропуск и, главное, смотрел в него. У автора в пропуске значилось, что он Мельничук Ю. В., майор милиции. Оно бы тоже ничего, но факт в том, что автор чудовищно не похож на милиционера. И никогда не был похож. И подозревает, что если бы и решил связать жизнь с милицией, рано или поздно был бы с шумом отчислен из училища за наглую, вызывающую непохожесть. Про майора и разговаривать нечего! Поэтому на своё собственное выступление шёл если не со страхом, то с томлением духа.

Но дошёл. Хотя путь, который при нормальных условиях занял бы минут шесть, преодолел за полчаса. Ибо, кроме прочего, стадион был забит под завязку, и ещё два раза по столько остались за бортом. И, пробиваясь сквозь пеших и конных, автор уже несколько раз серьёзно порывался плюнуть и повернуть назад. Но останавливало ложное чувство долга, и что друзья будут втуне корпеть у голубого экрана, ожидая команды «к столу». Хорошо, что опытный Николай, зная автора, поставил его выход в самом финале. Само же представление закрывала популярная, а потом и вовсе легендарная рок-группа.

Как и положено в таких делах.

Само же мероприятие выглядело так. Огромная чаша стадиона, набитая зрителями, как банка бывших консервов «Кильки в томатном соусе», кто помнит. Внизу – футбол-

ное поле, уже подсвеченное лёгкими прожекторами, – начинаются сумерки. В центре непривычно пустого поля выстроены квадратный подиум-сцена. На ней выступают и пляшут артисты. Над стадионом реют флаги и ленты, гремит музыка, шумят аплодисменты, слышны оптимистические голоса Ведущих; по беговой дорожке движутся карнавальные и спортивные шествия, перескакивая через многочисленные телевизионные кабели, чтобы не убиться. Не забывая держать на лицах радость и ликование, оплаченные согласно Договору.

Да. И вот не успеют шествующие ликующие отмахать своими цветами и улыбками в камеры, как со сцены-подиума уже несутся удары и вопли очередной рок-группы. Короче, смесь «дыма коромыслом», «Спортландии» и «хоть святых выноси»! Помнится, при виде этой карусели у автора всплыла тогда вещая фраза: «Молодёжь с куплетами и прибаутками весело тащит по кругу клетки с наркоманами».

Как раз тогда наркоманы входили в свою прочную моду.

Но это ещё не всё. Не надеясь привлечь людей на стадион силами одного искусства, организаторы решили параллельно зрелищу разыгрывать блиц-лотерею. То есть ты купил билет – и вот ты уже участник лотереи. Время от времени концерт на сцене прерывался, колёсное или пешее шествие спешно сматывалось, гремели фанфары, Ведущие счастливыми голосами сообщали, что «наша лотерея продолжается!». Дальше Ведущий набирал воздуха и гремел Левитаном: «А СЕЙ-ЧАС! В НАШЕЙ ЛОТЕРЕЕ!! РАЗЫГРЫВАЕТСЯ /интри-

гующая пауза/ СЕТКА ВОЛЕЙБОЛЬНАЯ-А-А!!» или «... ПЛОЙКА ДАМСКАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ-А-А!!» Ведущая сказочным голосом называла сектор и место выигравших билетов, приглашая любимцев фортуны пройти к восточным воротам, где скучала тиражная комиссия, сторожа нехитрый выигрышный скарб.

Ибо тогда в магазинах на полках лежали в основном продавцы.

Надо заметить, что Ведущий не напрасно брал интригующую паузу. Сомневаясь в притягательной мощи блиц-лотерей, организаторы вставили в список выигрышей главный приз – автомобиль «жигули». Бесценная, по тем временам запредельная вещь. Это можно приравнять к сегодняшней, допустим, двухпалубной яхте. С той разницей, что яхта или самолёт – это блажь, а «жигули» в то время, да при тех ценах на бензин... Короче, мечта как средство передвижения! Конечно, все прекрасно понимали, что автомобиль этот «жигули» уже давно «выигран» кем-то из устроителей. И уже у дикторов заготовлена фраза вроде: «Ой-ой, надо же, никто не явился на место такое-то, сектор такой-то – а ведь как раз на него и пал наш главный приз!! Уже за «жигулями» народ не является, как после такого жить дальше, товарищи!» В общем, наши люди хорошо знали, как делаются такие лотереи, но... Но чем чёрт не шутит, – так всегда думает каждый участвующий в этих сомнительных мероприятиях.

И – участвует!

И вот уже разыграны Лодка резиновая, Мячи надувные, Стойки какие-то, Набор бигудей праздничный и иные полезные ископаемые. Но время главного приза ещё не настало, и пружина интриги закручивалась всё сильнее. А, напомним, закручивалась та пружина внутри 40 тысяч чающих движения воды.

А то и больше.

Это что касается лотереи. А что до самого действия, то оно себе играет, гремит, движется. И движется оно к своему логичному финалу.

Да, а где же автор? Где автор, которому вскоре должно появиться на сцене вместе со своим юмором? Где автор, уже проинструктированный одним из многочисленных помощников режиссёра: «За два номера до себя смело выходишь на беговую дорожку, потом – на поле к сцене; ни на что не обращаешь внимания – тебя всё равно никто не видит. Дальше становишься возле сцены и ждёшь своего объявления. Как объявят, выскакиваешь и дуешь в микрофон всё, что сочинил, понятно?!» «Понятно, что же тут загадочного?..» – думает автор, а сам немного волнуется, но не от предстоящего выступления, а от того, как на него, заразу, попасть?! Ибо в эти самые минуты бестолково блуждает и ударяется о какие-то откосы и захолустья под трибунами стадиона, куда его занесло якобы для сокращения пути, то есть сдуру. Подстадион – кто не был – это государство в государстве: оттуда можно смело выйти на беговую дорожку, но можно на неё

и не выйти, а смело сгнуть в его языческих закоулках и капищах! Автор, подозревая последнее, мечется, уже отчасти подвывая, ибо дивно и страшно состояние человека, когда буквально сверху и с остальных сторон слышны топот, крики, смех, прочий бодрый грохот живых людей, а ты посреди этого один, как палец в ухе, такой же ненужный и полуоглохший!

Спаси и сохрани!

Войдя в некие, сороковые по счёту двери, автор обнаружил там каких-то странных людей, судя по наглому виду, – пацанов с телевидения, и выбрался вслед за ними наружу. Выбравшись, с удивлением увидел, что небо уже потемнело, но что зрители всё ещё на трибунах. И вот тут, идя по беговой дорожке, автор таки заволновался. А как не взволноваться, когда идёшь по дну чаши, напиханной незнакомыми людьми. Вокруг гремит, волнуется, кричит, хлопает – и всё это в полутьме. Ибо ярко освещена лишь сцена в центре поля, где кто-то поёт, пугаясь собственных звуков, усиленных в жуткое количество раз.

Тем не менее до сцены автор добрался практически без приключений. Вокруг сцены маялись дурью человек десять obsługi. «Сейчас, – подумал автор, – отчитаю этот чёртов юмор, и больше в такие дела ни ногой! В крайнем случае – за более приличные деньги!»

Но человек предполагает, а Бог располагает. Ибо дальше начинается самое интересное. То, ради чего это писалось, а

вы читаете, делать вам нечего!

Итак, закончился последний концертный номер перед автором. Кто-то там отпел под фанеру свою лебединую рок-песню и двинул к кассе, за ним потянулась его музыкальная свора. Точно с буквой инструкции автор сменил их на сцене. Сейчас его объявят, и через 8 минут он свободен. «Нужно, кстати, сразу после выступления рвануть к выходу, а то попадёшь домой не раньше полуночи», – так думает автор и видит, что Ведущие его не объявляют, а, наоборот, держат паузу. Затем, включив малиново-рекламные обертоны, сообщают, что наша лотерея продолжается! «Ладно, – думает автор, обживаясь на сцене, – потерпим...»

– А сейча-ас, – гремит Ведущий, – разыгрывается главный приз нашей лотереи...

В паузе слышно, как Ведущий всасывает дополнительный воздух и выдаёт:

– Автомобиль «жигули-и-и»!!!

И тут, конечно, началось! Народ рокочет, хлопает, как-то несвойственно гудит. Фанфары ревут. А Ведущие тянут, выдавливают из момента все жилы и, наконец, объявляют:

– Автомобиль!! «жигули»!! Выигра-ал!! Обладатель!! Билета!! Сектор!! Такой-то!! Место!! Такое-то-о-о!!!

Все телекамеры и прожектора направлены на счастливый сектор, наступает великая тишь, хоть и гремит музыка! Но гремит она не для праздника, а чтоб не так страшно, когда несколько десятков тысяч человек орали, хлопали, свистели

и вдруг смолкли – ужас! Счастливый сектор поднялся, выглядывая своего счастливица.

Ну-у-у!..

Пауза повисла и провисла, т. е. затянулась.

А автор меж тем стоит один на освещённом подиуме, как участник шоу «Круглые идиоты у микрофона», и понимает, что более большей свиньи организаторы подложить ему не могли! Что это конец, ибо кто станет слушать и какой юмор после такого потрясения?! Что единственно правильное сейчас решение – слинять, пока народ пытается высмотреть того, кого там не может быть по определению! Но тут автор дал маху, в смысле подрастерялся и пропустил момент, когда можно было незаметно исчезнуть. И вот он стоит один, как во поле ярко освещённая берёзка, и тупо ждёт, чем всё закончится. Тем более что пауза заканчивается, море входит в берега, ажиотаж затихает. Ибо, наконец, и коню стало понятно, что автомобиль «жигули» давно выигран теми, кто придумал поставить его в список. А счастливиц, естественно, не явился. Или умер от счастья, что одно и то же. Кстати, автомобиль честно простоял за футбольными воротами, рядом с палатками, тюками чайных чашек и постельного белья. То ли муляж, то ли как издевательство.

Но жизнь продолжается.

Выдержав скорбную паузу, Ведущие вздохнули и уже как попало сообщили, что сейчас в нашем празднике вы услышите столь любимый в последнее время юмор в исполне-

нии... И называют автора. Это притом что автор уже минут пятнадцать болтается возле центрального микрофона, как кот учёный, только сильно поглупевший. Зрители поворачиваются к сцене, и автор начинает понимать, как себя чувствует рыба в большом высвеченном аквариуме, вокруг которого столпились пьяные гости и стучат ногтем по стеклу, призывая её к бодрости движений. Короче, на объявление Ведущих трибуны разорванно захлопали, ибо ещё не отошли от автопотрясения. И вообще не могут понять, откуда взялся на сцене этот тип, и главное – зачем?! Автору терять уже нечего и, доставая из кармана текст с юмором, он высказался в микрофон в том смысле, что нет худа без добра. Мол, бывает, от свалившегося счастья человека хватает кондрашка – и он попадает в руки к нашим лучшим в мире врачам, которые потом выписывают его из больницы с самым точным в мире диагнозом: «отмучился». На этот тезис стадион коротко хохотнул, как бы выдохнул один огромный, главное, добродушный человек. Автор слегка осмелел и давай читать свой юмор. Начал он это дело, конечно, не без трепета. Но волнение ушло буквально после второго абзаца, где автор высказал удивление, почему продуктовый магазин возле железнодорожного вокзала называется «Спутник». И сам же ответил: «Конечно, «Спутник»! Ибо эти макароны, пряники, скумбрия в собственных слезах, кофейный напиток «Дружба», где подружились овёс, мыло, спичечные головки, а также опилки мебельной фабрики по производству музы-

кальных инструментов на территории условного противника, – это и есть наши самые верные спутники от вокзала до самой смерти!» На эту правду зал объёмом в 40 тысяч душ шумно, отчасти горько засмеялся.

Хотя сегодня это, может, и не смешно.

Тем не менее зал засмеялся, и автор седьмым авторским чувством понял, что смерть миновала. Дальше, как говорится, было дело за техникой. И вот автор стоит на этой раскалённой сковородке, читает свой юмор, понимая, что насмешить 40 тысяч человек не сложнее, чем 40. А когда сказал, что время наступило подлое, что теперь при бабках каждый поросёнок с хреном понимает о себе, что он свинья в апельсинах, – на эту тоже правду зал буквально грохнул и захлопал. Автора немного контузило, но в душе порадовался, крепко держа, образно говоря, вожжи зрительского внимания.

Короче, дело шло к позитивному финалу.

Но не дошло.

В какой-то момент опытным ухом в стройном, хоть и шумном течении юмора автор уловил как бы размытость. Как бы он на секунду отпустил вожжи, лошадь вильнула в сторону и затормозила по малой лошадиной нужде. Автор читает свой юмор, а ухом слышит, что на трибунах возник посторонний шум. И шум этот нарастает. И вот его уже никто не слушает. И тем же авторским чувством он понимает, что это конец. Но притом не возьмёт в толк, что случилось?

А на стадионе уже стоит не культурный смех, а рёв, который бывает после забитого гола, только ещё страшней, ибо непонятный! Автор позорно замолкает на полужазе и только тут замечает, что от злополучного сектора прямо через освещённое поле к сцене направляется человек, и человек этот женщина. Женщина идёт, шатаясь под тяжестью звуков, издаваемых ужасной толпой. В руках у неё что-то белеет, небольшая бумага.

Квиток.

Тут в голове автора смыкается, и он понимает, что, вопреки традиции, нашёлся владелец счастливого билета. В более идиотской ситуации автор не был и уже, даст Бог, никогда не будет. Вот только что всё было хорошо: ты стоишь в центре, ты всем нравишься, тебе хлопают; и ровно через минуту ты стоишь в том же центре и ты абсолютно никому не нужен! Коварная толпа нашла себе нового кумира, а ты не можешь даже провалиться, ибо строителями не предусмотрено. Конец!

Но это был не конец. Это было только начало.

Эта женщина в полуобморочном состоянии поднимается на сцену и направляется непосредственно к поглупевшему автору. По внешности она мелкий бухгалтер с 25-летним стажем тупой работы. При этом в глазах у неё нет сознания, в движениях одни рефлексy. И она протягивает выигрышный квиток автору, понимая, что он здесь главный. Дальше начинается трагикомедия. Автор мудро подхватывает её под ру-

ку, понимая, что поднимать ее с помоста будет ещё трудней, и кричит обслуге вокруг подиума: «Заберите её, отведите к тиражникам!» На внятный призыв автора внизу никто даже не шевельнулся. Они такого не предвидели; стоят, то ли пьяные, то ли парализованные. Автор сгоряча давай их материть страшными словами. В ответ – тишина. Если можно назвать тишиной какофонию вокруг. Стадион беснуется, женщина стоит, но стоит она временно, а сейчас будет ложиться умирать – и уже начинает!

И что делать?!

Ещё была надежда на Ведущих, но эта пара сволочей, которые целый вечер болтали языком, как ребёнок ботинками, вдруг резко замолкли, вроде подорвались на одной мине! Или дезинтегрировались!

Всё это длилось минуты полторы, которые, естественно, показались месяцем. Наконец автор взял себя в руки, включил микрофон и сказал залу: «Чего вы кричите, дайте женщине спокойно получить свой волейбольный мяч!» Стадион грохнул. Автор ещё что-то туда сказал в таком же духе, рёв постепенно начал организовываться в смех. Тогда автор, пользуясь тем, что некогда был журналистом, давай спрашивать женщину, как её зовут, где работает, далеко ей от дома до работы? И если близко, так зачем ей эта морока, в смысле машина? Но спрашивал доброжелательно, она понемногу отходила, даже что-то отвечала в микрофон, пугаясь своего голоса, ужасно усиленного, отчего приседала и пере-

ходила на шёпот. Тогда автор дублировал её текст, кое-что беззлобно перевирая. Надо ли говорить, что зал слушал как один невидимый отсюда добродушный человек. Смеялись, хлопали на каждую реплику. Но это не может быть вечно. Пользуясь особенно длинным смехом, автор ещё раз наклонился вниз и гласом велиим обматерил обслугу так, что сам охрип. Схватил какого-то хлопца сверху за чуб, приказав взять женщину и отвести к тиражникам. Хлопец как бы очнулся от гипноза, безропотно поднялся на сцену, взял женщину под руку, и они пошли через поле к своему призу. На прощание автор на весь стадион пожелал женщине любить милицию, СТО, правила движения, горюче-смазочные материалы и нас не забывать. И попросил остальных поддержать его в этом. Стадион так захлопал, затопал, засвистел, что провожатый хлопец поймал бедную жертву фортуны практически у земли.

Но и это ещё не конец!

Возникает второй вопрос: что делать дальше? Тема исчерпана, волна затихает, нужно уходить. А как, когда на тебя из темноты направлены тысячи глаз и ты чувствуешь себя, как кость в горле, сам себе тошный. И тогда автор взял и плюнул. Включил микрофон и сказал: «Так мне дочитать или как?» В ответ из темноты не то что прозвучало, а снова выдохнуло: «Д-да-а!!!»

И тогда автор дочитал свой юмор до последней строчки. Надо ли говорить, что зал реагировал так, как никогда в жиз-

ни. Особенно в конце, когда автор честно сказал:

– Ничего, ребята, времена подлые, но и это пройдёт. Всё опять будет хорошо, и нашей хозяйке при виде того, как гости налегают на твёрдую колбасу, не нужно будет вскакивать и кричать: «Почему мы не танцуем?! Мне хочется именно танцевать!»

Хорошо сказал!

Но это был ещё не конец.

Когда автор закончил, получил свои овации, на сцену уже поднималась всеми любимая популярная группа. Им, естественно, встречно хлопают, ибо их любят и любят за дело. Автор же спустился, идёт себе от центра поля к беговой дорожке, и ноги у него от всего этого совсем чужие. А ещё хуже, что не помнит: когда материл этих козлов, выключал микрофон или пускал живым звуком?! И вот идёт автор, пугаясь своих мыслей; слышит, как сзади настраиваются музыканты. И ещё слышит, что аплодисменты почему-то не стихают. Тогда усталый автор поднимает голову на сектор, видит в полумраке лица улыбающихся людей, которые смотрят на него и хлопают. И тогда автор показывает пальцем себе на грудь, мол, это мне? И люди отвечают: да, мол, да, естественно! И давай хлопать ещё сильнее.

Так и шёл по беговой дорожке к выходу мимо переполненных секторов, и каждый сектор как бы передавал его аплодисментами другому.

Почти как чемпиона.

«Что есть слава? – спрашивал, бывало, мудрец, прислонясь к дувалу. И сам же себе отвечал: – Слава есть не иначе как яркая заплатка на ветхом рубище певца!»

Автор же, в свою очередь, думает: что за дувал такой? Может, мудрецы к нему не прислоняются, может, они из него кушают?

Из сборника «Кролики – это не только ценный мех»

Вообще-то автор относится к исчезающему племени эстрадных драматургов. А драматург, кто помнит, – это человек, сочиняющий пьесы. За деньги, конечно. Получается, что эстрадный драматург тоже сочиняет пьесы, только это называется «малая драматургия». Очень малая, смотреть не на что.

И деньги такие же.

Бернард Шоу, к примеру, или там Мольер в жизни не взялся бы за подобное. Только, понимаешь, размялся, взял дыхание, дошёл до четвёртой страницы, а уже велено заканчивать! А куда прикажете остальные, числом восемьдесят?! Шекспир бы разругался: что за дела?! Ещё был такой северный человек Ибсен – тот мог бы и заушить. Характер-то нордический.

А Чехов бы простил. Он всем прощал.

Вот. А автор, в отличие от всех упомянутых, вынужден был окорачивать свой гений, заталкивать его в прокрустово ложе заказчика. Каждый раз такая была морока – пришлось бросить и забыть. Но кое-что сохранилось. Помнится, народ всё это смотрел и смеялся. Иногда до слёз.

Ниже можно почитать и обнаружить, что автор не врёт.

Впрочем, он давно не врёт, что-то надоело.

«Кролики – это не только ценный мех»

Лето. Украинское село. Правление колхоза. В раскрытое окно слышится придавленное мычание трактора. Или тракториста. За столом – председатель этого всего Иван Михайлович. Перебирает колхозные бумажки, бросает костяшки на бухгалтерских счётах, сопит, заноса в графики фиолетовые цифры. Вполголоса клянёт шариковую ручку.

Жарко.

В кабинет вбегают правленческая девчонка:

– Иван Михайлович! К вам корреспондент!

– Зачем?

– Из столицы!

Иван Михайлович клянёт эту жизнь вообще, затем – столицу, начальство, жару, зачем-то амбарного сторожа. Говорит:

– Проси!

Входит столичный корреспондент с магнитофоном через плечо. Знакомится.

– Иван Михайлович, мы давно с интересом следим за вашим хозяйством!

– Просю садиться.

– Вы опять разводите кроликов, а некоторые не хотят!

– Не хотят, говорят, мороки много, чтоб они повыздохли!

– А вот вы и расскажите нашим слушателям.

Корреспондент рассупонивает магнитофон, достаёт микрофон, готовится к работе. Председатель тоскливо наблюдает за операцией, жмурится, затем вскакивает, кричит в окно:

– Да выключи ты его, пока я тебе этот трактор на голове не побил!

Становится тише и жарче. Наконец у корреспондента всё готово:

– Иван Михайлович, начнём с броской такой рекламной фразы... Например: «Кролики – это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического, легко усваиваемого мяса!» Вот сюда – в микрофон.

Председатель смотрит на микрофон, как один из его диетических питомцев на удава. Говорит почему-то шёпотом:

– Оно уже включено?

– Ну да!

– Выключьте... Счас. Это же кролики быстро размножаются, а этие интервью мне прямое наказание! Весной приезжала корреспондентка, так я...

– Иван Михайлович! У меня ни минуты времени! Буквально десять фраз! Итак, «Кролики – это не только ценный мех...» Давайте.

– Уже включили?

– Нет.

– Включайте!.. Включили? Выключьте. Что вы спросили?

– Повторите: «Кролики – это не только ценный мех...»

– Давайте! /говорит чужим голосом/ «Труженики нашей артели вышли на новые рубежи по производству яиц от каждой овцематки!..»!.. Извиняюсь, матки! Всё?

– Стоп! Какие овцематки?!

– Ну такие, весь двор в катышках, гляньте нарочно.

– Давайте сначала! Иван Михайлович, соберитесь!

– Счас, только пускай у меня в животе перебурчит...

– Давайте! «Кролики – это не только ценный мех, но и...»

Ну!

– О, перебурчало! Включайте.

– Включено давно!

– Ага. Выключьте. Это, наверное, у вас бурчит.

– Иван Михайлович!

– Я понял, это Славик опять дизель гробит!

Председатель высовывается в окно, громко ругает Славика. Корреспондент смотрит на часы, барабанит по столу пальцами, затем кулаком:

– Иван Михайлович, давайте работать!

– Ага!.. Счас водички!

– Вы поняли, повторяете фразу за мной! Давайте!

– Счас водичку поставлю... Про каких животных вы спросили?

– Кролики! Кролики такие мордастые!

– Что ж я кроля не видел: вот такие уши, лицо красное, хвостами машут и гавкают! В смысле...

– У меня нет времени! Итак, «Кролики – это не только

ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического легко усваиваемого мяса!» Включаю!

– /пауза/ Кролики – это не только ценный... Кто?

– Мех!

– Ага... мех, но и... как?

– Три-четыре килограмма...

– ...три-четыре килограмма...

– Диетического...

– ...диетического... что-то там про «легко» было...

– Легко усваиваемого мяса.

– ...легко усваиваемого мяса!.. Фу, слава всем святым сразу!!

Председатель откидывается на спинку стула, вытирает лицо графиком. На лице счастливая улыбка, большое душевное облегчение.

Корреспондент:

– Иван Михайлович, очень хорошо. Только не «усваиваемого», а «усваиваемого» мяса.

– В смысле?

– В смысле надо переписать.

– Кого?

– Этот кусочек. Давайте.

– Вы же сказали, очень хорошо! Я слышал!

– Там одно слово неверно. Надо «усваиваемого».

– А я как сказал?

– «Усваймого».

– Ну правильно, усваймого мяса!

– А надо «усваиваемого»! Пошли!

– Куда?

– Что куда?

– Вы сказали: пошли!

– Ну, поехали! Записывать. Включаю.

– /испуганно/ Уже пошло? Выключьте! Теперь включайте... «Друзья!..» Обратного не так...

– /сквозь зубы/ Продолжайте, продолжайте, пишем!

– /в микрофон/ Продолжаю: кролики – это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического легко... как?

– /сквозь зубы/ Усваиваемого.

– ...усва... усваиваемого мяса! Правильно?

– Стоп! Нет такого слова «усваиваемого»!

– Как нет, когда вы только что его сказали?!

– Это я вас повторил, а правильно будет «усваиваемого», тьфу!

– Видите, вы городской и то с одного духа не скажете.

– Это вы меня запутали! Ещё раз: «Кролики – это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического легко усв... усваиваемого...», короче, мяса! Давайте!

– Знаете что. Приезжайте к нам осенью.

– Но мне сейчас нужно! У меня автобус через...

– Зато осенью у нас вот такие коропа! Убийцы!

– Иван Михайлович!..

– Один корреспондент вот так залез в пруд, а они его хватя

за стыдно сказать что... Короче, приезжайте, не пожалеете!
– Иван Михайлович! Я на работе! Дорогой! Одну фразу!
Слово!

– Хорошо, только вы его мне напишите!

Корреспондент хватает бумагу, начинает писать по слогам. С лёгким подвыванием:

– «Ус-ва-ма...» нет... «усваямо...», да что же это такое?!

– Может, усваюмаго?!

– Подождите!! «Усма...», «устраняемого...». Как же оно пишется?

– Идёмте пообедаем у нас в столовке...

– Да постоит вы со своей столовкой!.. Про что мы говорили?!

– Что там на раздаче стоит такая Люба, как Брестская крепость, только полнее...

– Стоп! /собрал волю/ Мы начали про кроликов, правильно? Что они...

– До того жизнерадостные животные: посадишь парочку, смотришь, через месяц их там уже пятьдесят!..

– Что они дают три-четыре килограмма легко устранимого мяса. Чушь какая-то!

– Усваймого!

– Ага! /пишет/ «Усваряемого...», усваряемого!..Нет!

Корреспондент пытается вспомнить слово. Вопрекл до мозга костей. Председатель подкидывает варианты. В кабинете стоит тихий бред.

Корреспондент: – Что за слово такое!

Председатель: – Кто его придумал! Покажите, я его убью!..О! Счас я девчонку свою позову, у нее по математике круглые четверки! Верка!

Входит Верка. С легким испугом смотрит на двух мужчин с безумными глазами и лицами цвета угорелой малины.

Корреспондент: – Уважаемая! Как будет правильно «усваиваемого»? /кричит/ Усваиваемого! Иван Михайлович, усваиваемого!..мого!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.